

КОГДА
ПРАВДА
СТОИТ БОЛЬШЕ,
ЧЕМ ЖИЗНЬ

АДВОКАТ ИЗ БУДУЩЕГО

РОМАН

В 1895-М ЗАКОН — ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.
НЕ УБЕЖДЕНИЯ.

АРКАДИЙ ШМЕЛЁВ

Аркадий Шмелёв
Адвокат из будущего

«Автор»

2026

Шмелёв А. П.

Адвокат из будущего / А. П. Шмелёв — «Автор», 2026

Адвокат Андрей Воронцов приходит в себя в Петербурге 1895 года, в чужом теле и с чужим именем. Теперь он Сергей Корсаков, помощник присяжного поверенного с долгами, врагами и прошлым, которого совершенно не помнит. Первое серьёзное дело кажется безнадёжным: рабочего обвиняют в убийстве владельца фабрики, а у следствия есть мотив, свидетели и улики. Но опыт юриста из XXI века подсказывает Андрею: очевидная версия ещё не означает доказанную. Пытаясь спасти обвиняемого, он обнаруживает, что прежний Корсаков вёл собственное расследование и подобрался слишком близко к опасной тайне. Теперь Андрею предстоит выяснить не только кто убийца, но и что случилось с ним самим.

Содержание

Глава 1. Свидетель	5
Глава 2. Чужое утро	10
Глава 3. Человек, которого все знают	16
Глава 4. Первое дело	21
Глава 5. Долги чужого человека	26
Глава 6. Чужие правила	33
Глава 7. Крестовский	40
Глава 8. Убийство	50
Глава 9. Клиент	59
Глава 10. Кровь	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Адвокат из будущего

Глава 1. Свидетель

– Вы хорошо рассмотрели лицо?

Марина Александровна повернулась к Андрею не сразу. Сначала посмотрела на председательствующую, словно вопрос требовал разрешения отвечать.

– Достаточно хорошо.

– Насколько?

Судья подняла взгляд от бумаг.

– Андрей Михайлович, сформулируйте точнее.

– Конечно.

Он не спешил. Свидетельница сидела прямо, обеими руками держалась за край стола. Женщина лет пятидесяти, аккуратно одетая, заметно уставшая за последние два часа. Она уже рассказала всё государственному обвинителю. Потом повторила, отвечая на вопросы суда. В третий раз история стала короче и увереннее.

С каждым повторением люди обычно избавлялись от сомнений.

Иногда – от тех, которые следовало сохранить.

– Марина Александровна, как долго вы видели мужчину возле автомобиля?

– Не засекала.

– Примерно.

– Минуту. Может, две.

Андрей посмотрел в протокол, хотя нужную строку помнил.

– Всё это время вы видели его лицо?

– Нет. Сначала он стоял боком.

– А потом?

– Повернулся.

– В вашу сторону?

– Да.

На скамье подсудимых Денис Серов едва заметно качнул ногой.

Андрей заметил это краем глаза. Первые две недели процесса Денис постоянно пытался участвовать в собственной защите: подсовывал записки, шептал, показывал глазами на свидетелей. После третьего разговора почти перестал.

Почти.

– В тот вечер уже стемнело?

– Да.

– Шёл дождь?

– Небольшой.

– До автомобиля от вашего окна было больше пятидесяти метров?

– Наверное. Я не измеряла.

Прокурор поднял голову, потом снова посмотрел в свои бумаги.

Он, вероятно, решил, что защита будет спорить с расстоянием, дождём и освещением. Можно было спорить. Поздний вечер, мокрый асфальт, фонари, тёмная одежда. Плохие условия для опознания.

Но не невозможные.

Если Андрей сделает на этом ставку, обвинение напомним присяжным, что свидетельница уверена. И именно это они запомнят.

– В тот вечер вы знали Дениса Серова?

– Нет.

– Раньше видели?

– Нет.

– Его фотографию?

– Тоже нет.

Андрей перевернул страницу.

– Когда вы впервые увидели фотографию Дениса Серова?

Прокурор снова поднял голову.

Вот теперь он добрался до нужного места.

– На следующий день.

– Где?

– В отделе полиции.

– До этого вы уже дали показания?

– Да. В тот же вечер.

– Что вы тогда смогли рассказать о внешности мужчины?

Марина Александровна нахмурилась.

– То же самое, что сейчас.

– Уверены?

– Да.

Андрей взял протокол первого опроса.

– Вы его подписывали?

– Если там моя подпись, значит, подписывала.

– Здесь записано: «Мужчина, возраст предположительно от двадцати пяти до сорока лет, среднего роста, телосложение обычное, одежда тёмная». Верно?

– Наверное.

– И ещё: «Лицо подробно описать не могу».

Свидетельница сжала губы.

– Всё быстро было.

– Конечно. А сегодня можете описать лицо?

– Могу.

– Что изменилось?

– Я вспомнила.

Андрей положил протокол на стол.

– Когда?

– Потом.

– До того, как вам показали фотографии?

Пауза получилась небольшой.

– Я не помню.

Прокурор поднялся.

– Уважаемый суд, свидетель уже пояснила, что уверенно опознаёт подсудимого. Защитник возвращается к одному и тому же обстоятельству.

– Андрей Михайлович, не повторяйтесь, – сказала председательствующая.

– Не буду.

Он не стал спорить. Свидетельница уже сердилась: сама мысль о ненадёжности собственной памяти раздражала её.

– Когда вам показали фотографии, вам сказали, что среди этих людей находится подозреваемый?

– Не помню.

– Фамилию Серова называли?

– Возможно.

– Когда вы впервые уверенно сказали, что видели именно его?

Марина Александровна потёрла большим пальцем край стола.

– Наверное, когда фотографию увидела.

Прокурор что-то записал.

– После этого вы ещё видели фотографии Серова?

– Конечно. На допросах показывали, в деле были.

– Сегодня до дачи показаний вы его видели?

Она раздражённо кивнула в сторону скамьи подсудимых.

– Он сидит напротив.

– То есть за последние месяцы вы видели лицо Дениса Серова неоднократно?

– Да.

Андрей закрыл папку.

– Последний вопрос. До того как полиция показала вам фотографию моего подзащитного, вы могли описать его лицо?

– Нет.

– Спасибо. У меня больше нет вопросов.

Он сел.

Денис наклонился к нему.

– Всё?

– Всё.

– И это хорошо?

– Потом.

Прокурор поднялся для дополнительных вопросов.

– Марина Александровна, несмотря на вопросы защитника, вы сейчас уверены, что в тот вечер видели именно подсудимого Серова?

– Абсолютно.

Хороший вопрос.

И хороший ответ.

Прокурор сел.

Денис едва слышно выдохнул:

– Вот же...

Андрей повернул голову.

– Даже не заканчивайте.

– Она врёт.

– Нет.

Серов моргнул.

– В смысле?

– Потом.

Заседание продолжилось ещё почти сорок минут. Допрашивали сотрудника полиции, оформлявшего первые материалы. Время прибытия группы, обнаруженные вещи, последовательность осмотра. Андрей задал три вопроса и ни одного лишнего.

К концу дня начала ныть шея. Он незаметно потёр её большим пальцем.

Тридцать девять лет – не старость. Организм, правда, юридических определений возраста не признавал.

Когда судья объявила перерыв до следующего утра, присяжные вышли первыми. Затем потянулись остальные.

Дениса окружили пристав и конвоир. Под стражей он провёл уже четвёртый месяц.

– Андрей Михайлович.

Андрей собирал бумаги.

– Что?

– Нормально сегодня получилось?

– Лучше, чем вчера.

– Я про неё.

– Я понял.

– Вы её раскатали.

– Нет.

– Да ладно. Сначала говорит, что лицо не рассмотрела, теперь уверена на сто процентов.

Андрей застегнул папку.

– Она не лгала.

Улыбка на лице Серова стала слабее.

– А что делала?

– Ошибалась.

– Какая разница?

– Для вас сейчас – большая.

Денис пожал плечами.

– Главное, что не поверят.

Андрей ничего не ответил.

Он слышал подобное часто: вместо «главное, что разобрались» или «главное, что я невиновен» звучало только «главное, что не поверят».

Адвокатская практика быстро отучала строить обвинительный приговор из каждой неудачной фразы клиента. Люди под следствием говорили глупости, злились, пугались, пытались казаться увереннее, чем были.

Если считать виновным каждого неприятного клиента, профессию можно было менять через неделю.

Они вышли в коридор. К Денису двинулась мать, но пристав остановил её жестом.

– Денис!

– Мам, всё нормально.

Андрей отошёл к окну. За стеклом моросил дождь.

Телефон завибрировал в кармане: три пропущенных от помощницы, два сообщения, письмо по другому делу. Он убрал телефон обратно.

– Андрей Михайлович.

Денис стоял в нескольких шагах от него. Конвоир позволил им ещё минуту.

– Ну реально, хорошо же?

– Показания стали слабее.

– Насколько?

– Денис, я не букмекер.

Тот усмехнулся.

– Вы же понимаете, что она меня не видела.

– Я понимаю, что в первые часы после происшествия она не могла описать ваше лицо.

– Так я об этом и говорю.

– Это не одно и то же.

– Господи. Вот поэтому я юристов и не понимаю.

– Тогда зря наняли.

– Сейчас уже не жалею.

Пристав посмотрел на часы.

Серов обернулся к нему:

– Минуту.

Потом снова к Андрею.

– Я ведь сразу говорил: оттуда ничего не видно.

– Говорили.

– Даже если она стояла у самого окна. Там сирень у калитки всё закрывает. Она физически не могла увидеть, кто вышел со двора. Только возле машины уже можно.

Андрей не ответил.

Серов ещё улыбался, но уже не так уверенно.

В материалах дела было сорок семь фотографий участка. Фасад. Калитка. Дорога. Автомобиль погибшего. Общий вид со стороны перекрёстка. Несколько снимков из двора.

Сирень на них, конечно, была.

Но понять с фотографий, как именно она перекрывала обзор из окна второго этажа, было невозможно. Следовательно оттуда не снимал.

Можно было знать это, побывав во дворе.

Серов четыре месяца утверждал, что на участке Крылова никогда не был.

Не только в день убийства.

Никогда.

– На фотографиях, – сказал Денис.

Ответ вырвался у Дениса поспешно.

– Что на фотографиях?

– Видно кусты.

– Кусты видно.

Серов отвёл взгляд.

– Ну вот.

– Вид из окна – нет.

Пристав подошёл ближе.

– Время.

Денис уже смотрел куда-то за его плечо.

– Завтра поговорим, – сказал Андрей.

Серов кивнул.

Его увели.

Андрей остался у окна с папкой под мышкой.

Он не знал, что именно произошло в доме Крылова той ночью.

Но впервые за четыре месяца был уверен в одном: Денис Серов солгал ему не о мелочи.

Глава 2. Чужое утро

Первым Андрей почувствовал холод.

Первым Андрей почувствовал сырой комнатный холод, от которого хочется натянуть одеяло до подбородка и ещё полчаса никуда не вставать.

Вторым – боль в затылке.

Он открыл глаза.

Потолок был незнакомый.

Высокий, с тонкой трещиной от угла к лепной розетке. Никаких встроенных светильников. Никакого датчика дыма. По стене шла тень от оконной рамы.

Андрей лежал неподвижно, прислушиваясь к себе.

Последнее, что он помнил, – коридор суда. Серов. Сирень. Потом он собирался позвонить помощнице.

Дальше – пусто.

Он осторожно пошевелил пальцами. Руки слушались. Ноги тоже. Тошноты не было. Голова болела, но не так, как после серьёзного удара.

Телефон.

Андрей сунул руку под одеяло, нащупал рубашку и замер.

Ткань была не та.

Он сел.

В комнате не было ни одной привычной вещи. Тяжёлая деревянная кровать, умывальник с кувшином, стул с аккуратно перекинутыми через спинку брюками, высокий шкаф, письменный стол. На столе – свечной огарок, стопка бумаг, чернильница. Всё выглядело давно обжитым, без следов нарочитой старины.

Для розыгрыша здесь было чересчур много деталей и следов обычной жизни, начавшейся задолго до его пробуждения.

За окном металлически прогрохотали колёса. Кто-то крикнул. Ответили далеко, с улицы. Андрей подошёл к окну и отдернул штору.

На мостовой стояла пролётка.

Настоящая лошадь нервно переступала копытами, пар шёл от морды. Мимо прошёл мужчина в длинном пальто и цилиндре. Следом – женщина в тёмном платье, поддерживая юбку над грязью.

Андрей отпустил штору.

– Так.

Собственный голос прозвучал странно.

Он сказал ещё раз:

– Так.

Голос был моложе.

Андрей посмотрел на руки.

Тонкие пальцы. Ни старого шрама у основания большого пальца, который он получил в двенадцать лет, ни светлой полосы от часов. Он сжал кулак. Разжал.

Встал слишком быстро и чуть не потерял равновесие.

Тело оказалось легче привычного, хотя слабости он не чувствовал. Центр тяжести сместился, будто кто-то незаметно укоротил ему ноги и переставил суставы.

Нет.

Андрей провёл ладонью по лицу.

Гладкая кожа. Никакой щетины там, где она должна была быть к утру. Под пальцами – незнакомая линия подбородка.

Зеркало висело между шкафом и дверью.

Он увидел его сразу.

Подходить не хотелось.

Андрей изучал комнату, оттягивая момент, когда придётся посмотреть в зеркало.

Похищение? Наркоз? Травма? Психоз? Хорошо организованный спектакль?

Последнее звучало глупо, но остальные варианты были не лучше.

Он подошёл.

Из зеркала смотрел молодой мужчина лет двадцати пяти. Тёмные волосы, серые глаза, узкое лицо. На левой скуле – желтоватый след сходящего синяка. Под волосами возле виска – небольшая ссадина.

Андрей поднял руку.

Мужчина сделал то же самое.

– Прекрасно.

Молодой человек в зеркале произнёс это чужим ртом.

Паника пришла не сразу. Сначала – раздражение. Нелепое, почти профессиональное желание установить факты.

Имя.

Место.

Дата.

Последовательность событий.

С причинами можно будет разбираться после.

Он обыскал одежду на стуле. Карманы брюк дали несколько монет, связку ключей и носовой платок. Во внутреннем кармане сюртука лежала небольшая записная книжка.

На первой странице аккуратным почерком было выведено:

«С. Н. Корсаков».

Ниже – адреса, суммы, фамилии.

Андрей перелистнул несколько страниц. Почерк менялся: первые записи ровные, последние – торопливые, иногда почти неразборчивые.

«Громов – к 10».

«Р. – после шести».

«12 р. Климову».

«Не забыть: К.»

Ничего полезного.

Он перешёл к столу.

Там обнаружилась газета, сложенная пополам. Андрей развернул её.

Название он прочитал дважды.

«Новое время».

Под названием стояла дата.

17 марта 1895 года.

Он сел.

Газета шуршала в руках.

Никакой красивой вспышки воспоминаний не произошло. Он не увидел прошлую жизнь этого Сергея Корсакова, не вспомнил, где находится, не получил в голову удобный набор знаний о девятнадцатом веке.

Только дата.

Андрей прочёл её в третий раз.

Потом заставил себя заняться тем, что можно было проверить без всяких предположений.

На столе стояли часы. Андрей сверил их с уличным колоколом, который пробил через несколько минут. Разница оказалась небольшой. В шкафу лежала зимняя одежда, в карманах старые билеты, два счета и медная монета. На подоконнике высохло кольцо от стакана. В печи оставался вчерашний пепел.

Он искал не подтверждение девятнадцатого века. Подтверждений уже хватало. Искал шов, место, где декорация обязана была закончиться.

Шва не было.

Андрей взял одну из монет, положил на ладонь и долго рассматривал профиль на металле. Потом попробовал согнуть. Не получилось. Монета была настоящей ровно настолько, насколько вообще могла быть настоящей вещь в ситуации, которую он отказывался считать реальностью.

Он открыл окно.

Холодный воздух сразу вошёл в комнату вместе с шумом мостовой. Внизу ругались два извозчика. Один употреблял выражения, для которых не требовалось исторического образования. Мальчишка с корзиной остановился у подъезда, крикнул что-то в открытое окно соседнего дома и получил в ответ монету, завернутую в бумагу.

Никто не играл роль для Андрея.

Он закрыл окно.

Первое желание было сесть и попытаться вспомнить всё между коридором суда и этим утром. Андрей несколько раз прошёл последние минуты современной жизни по порядку.

Марина Александровна. Допрос. Серов. Коридор. Разговор о сирени. Лицо Серова, когда тот понял, что сказал лишнее.

Дальше память не обрывалась ударом. Не было света фар, боли, падения, чужого голоса. Просто следующего кадра не существовало.

Это беспокоило сильнее, чем если бы он помнил аварию.

Если человека сбила машина, хотя бы понятно, какой вопрос задавать. Здесь не было даже события, к которому можно привязать причину.

Андрей подошёл к зеркалу ещё раз.

Молодой Корсаков смотрел на него с тем же выражением, с каким сам Андрей много раз смотрел на клиентов перед первым разговором: устало, недоверчиво и немного зло.

– Андрей Михайлович Воронцов, – сказал он вслух.

Чужое лицо произнесло его имя.

Он повторил дату рождения, адрес квартиры, номер адвокатского удостоверения, фамилию помощницы, номер телефона матери, хотя звонить по нему теперь было некуда. Перечислил последние пять дел, которые вёл. Назвал фамилии судей, перед которыми выступал на прошлой неделе.

Память работала.

Он не стал Сергеем Корсаковым из-за удара по голове. По крайней мере внутри.

А вот от Сергея Корсакова не осталось почти ничего, чем Андрей мог бы воспользоваться.

Теперь он читал записную книжку как адвокат, получивший чужой архив.

Страницы давали неприятно мало. Люди обозначались фамилиями или буквами. Суммы часто стояли без пояснений. У встреч были часы, но не причины. Иногда встречались короткие замечания: «не верить», «принести копию», «Гр. опять зол», «Лиза в четверг».

Лиза.

Андрей задержал взгляд, но ничего не вспомнил.

Он открыл ящик стола и нашёл пачку писем. Читать чужую переписку было неприятно примерно две секунды. После этого практическая необходимость победила.

Большинство писем касалось денег и работы. Один портной просил оплатить счёт. Какой-то Гольцев напоминал о долге. Женская рука сообщала, что мать сердится и ждёт Сергея к Пасхе.

В конце стояло: «Твоя Лиза».

Сестра, жена, возлюбленная, кузина. Пока неизвестно.

Андрей положил письмо отдельно.

На дне ящика нашлась визитная карточка Громова и ещё одна, испачканная чернилами. На ней стояло имя врача. Он уже хотел отложить карточку, когда заметил карандашную запись на обороте: «если снова будут провалы».

Андрей перечитал.

Почерк выглядел тем же, что в записной книжке.

Хуже было другое: провалы памяти у Корсакова могли существовать до сегодняшнего утра.

Он не стал сразу строить объяснение. Пьянство, травма, болезнь, обычная забывчивость. Любой вариант подходил лучше красивой мистической связи.

Карточку врача он убрал во внутренний карман сюртука.

Потом нашёл на полке Устав уголовного судопроизводства.

Книга была потрёпанной, с пометами на полях. Андрей открыл наугад, прочитал страницу, затем ещё одну.

Язык был понятен. Система нет.

Слова походили на знакомые, но за ними стояли другие процедуры, другие полномочия, другие привычки суда. Он мог понимать, зачем задаётся вопрос свидетелю, и одновременно не знать, имеет ли право задать его именно сейчас.

И всё же одно совпадение Андрей пока не мог списать со счёта. Из миллионов чужих жизней ему досталась именно жизнь человека, работавшего у присяжного поверенного. Слишком удобно для случайности и слишком точно для случайного бреда. Если выбор был неслучайным, Андрей не понимал, кто или что выбирало. Если случайным – ему пока просто невероятно повезло.

Правил у происходящего почти не было, но несколько границ он уже видел. Его собственная память сохранилась. Память Сергея не пришла вместе с телом. Знание современного права не превратилось в знание здешнего. Никакого голоса, чужих воспоминаний или второго провала после пробуждения не возникло. Травма у виска могла иметь значение, а могла оказаться последним событием чужой ночи. Ответов это не давало. Зато очерчивало пределы того, что он пока мог утверждать.

Если записка Громова означала, что Корсаков работал у адвоката, первое преимущество Андрея оказывалось не таким большим, как могло показаться. Четырнадцать лет практики не переносили вместе с ним законы, сроки и местные правила.

Оставалось то, чему время мешало меньше: слушать людей, замечать, где они меняют рассказ, и не путать собственную уверенность с доказательством.

Вчера это почти подвело его с Серовым.

Мысль о клиенте вернулась неприятно быстро.

Андрей представил, как сейчас идёт процесс. Его нет. Телефон молчит. Помощница звонит. Коллеги ищут. Судья объявляет перерыв или заменяет защитника. Мать узнаёт, что сын исчез.

Он резко закрыл книгу.

Ничего из этого он сейчас исправить не мог.

Прежняя жизнь от этого никуда не исчезала. Денис Серов оставался там – с ложью про сирень, незаконченной защитой и вопросом, который Андрей уже не мог задать. Если путь назад вообще существовал, он должен был помнить, к чему возвращаться.

Самым трудным фактом утра была не дата на газете, не чужое лицо и не лошадь под окном.

Бесполезность. В своей жизни Андрей привык, что почти любую проблему можно разложить на действия: позвонить, подать жалобу, съездить, договориться, найти документ. Здесь у него не было ни одного действия, которое вело домой.

Зато была записка Громова, долги неизвестного человека и работа, на которой его, похоже, собирались уволить.

С этим можно было что-то сделать.

Именно поэтому он поднялся.

Потом перевернул газету, проверил оборот, издательские сведения, объявления. Бумага была просто старой – тонкой, пахнувшей типографской краской и чем-то пыльным.

Если это спектакль, кто-то вложил в него слишком много денег ради человека, который даже не был знаменит.

В дверь постучали.

Андрей замер.

Стук повторился.

– Сергей Николаевич?

Женский голос.

Он огляделся, будто в комнате мог найтись готовый ответ.

– Да?

– Вам записка. От Александра Петровича опять прислали.

Опять.

– Сейчас.

Он натянул брюки, почти правильно справился с непривычными застёжками, потом рубашку. С воротником пришлось повозиться. Сюртук он просто накинул сверху.

Дверь открылась на цепочку – вернее, на маленький крючок, который Андрей обнаружил только со второй попытки.

В коридоре стояла полная женщина лет пятидесяти в домашнем платье. В руке держала конверт.

Увидев Андрея, она поджала губы.

– Живы всё-таки.

– Пока да.

Она будто ждала другого ответа.

– Александр Петрович с утра человека дважды посылал. Я уже сказала, что после вчерашнего вас пушкой не разбудишь.

Андрей принял конверт.

На нём было написано: «Сергею Николаевичу Корсакову».

Значит, зеркало не соврало хотя бы в одном: лицо действительно принадлежало этому человеку.

– Спасибо.

Женщина не уходила.

– Голова-то?

Он коснулся виска.

– Что с ней?

– А вы не помните?

Неправильный вопрос. Вернее, слишком опасный.

Андрей позволил себе кривую улыбку.

– Отрывками.

– Ещё бы. Вас вчера Матвей с извозчиком тащили. Хорошо лестницу не пересчитали второй раз.

– Матвей?

Она посмотрела внимательнее.

– Из конторы.

– Да. Конечно.

– Конечно, – передразнила она. – Господин адвокат. Лучше бы вы так долги помнили, как пить умеете.

Она развернулась и пошла по коридору.

Андрей закрыл дверь.

Он задержал взгляд на конверте.

Потом вскрыл.

«Корсаков.

Если намерены сохранять место, явитесь не позднее одиннадцати. Бумаги Веденеева возьмите с собой. Ваш вчерашний поступок обсудим лично.

А. Громов».

Без десяти десять.

Он понятия не имел, кто такой Громов, что за Веденеев и где находится контора.

И, судя по всему, человек, чьё лицо он сейчас носил, успел серьёзно испортить отношения с работодателем.

Это даже немного успокаивало.

Впервые с момента пробуждения перед ним стояла проблема, которую можно было решать обычным способом.

Сначала найти бумаги Веденеева.

Потом адрес.

Потом дожить до одиннадцати так, чтобы никто не понял, что Сергей Николаевич Корсаков исчез куда-то между вчерашним вечером и сегодняшним утром.

Глава 3. Человек, которого все знают

Бумаги Веденева нашлись через двенадцать минут.

Это было дольше, чем Андрей хотел, и быстрее, чем заслуживал порядок на письменном столе Сергея Корсакова.

Две папки лежали под пачкой неоплаченных счетов. На первой карандашом было написано «Веденев против Кузьмина», на второй – «Веденев. Угол.». Андрей взял обе.

Адрес конторы обнаружился на обороте визитной карточки:

«Присяжный поверенный Александр Петрович Громов».

Дальше улица и номер дома.

Дорога заняла почти полчаса и несколько лет жизни.

Петербург оказался слишком узнаваемым, и дорога из-за этого давалась тяжелее, чем Андрей ожидал.

Проспекты, гранит, вывески, влажный мартовский воздух – всё одновременно знакомое и неправильное. Там, где Андрей ожидал увидеть поток машин, гремели экипажи. Люди переходили улицу без светофоров и с таким спокойствием, словно быть сбитым лошастью считалось приемлемым городским риском.

Он дважды едва не попал под колёса именно потому, что смотрел не туда.

Извозчику Андрей назвал адрес с карточки и всю дорогу молчал.

Деньги оказались отдельной проблемой. Он не понимал, сколько должен платить, и решил не изображать щедрость или бедность. Когда приехали, протянул монету и смотрел на лицо извозчика. Тот без удивления отсчитал сдачу.

Полезный метод.

Контора Громова занимала несколько комнат на втором этаже доходного дома недалеко от Литейного. На двери висела небольшая медная табличка.

Андрей остановился перед ней.

«Присяжный поверенный А. П. Громов».

Ни слова о Корсакове.

Хороший знак или плохой – пока непонятно.

Он вошёл.

В первой комнате за столом сидел молодой человек в жилете и нарукавниках. Перед ним стояла чернильница, лежали книги и несколько перевязанных тесёмками дел.

Увидев Андрея, он поднял брови.

– О.

– Доброе утро.

– Уже ближе к полудню.

Молодой человек откинулся на спинку стула.

– А я Матвею проиграл два рубля. Он сказал, что вы вообще не придёте.

Матвей.

Тот самый, который вчера тащил Корсакова домой.

– Передай Матвею, что он плохо меня знает.

– Вот как раз Матвей вас знает прекрасно.

На столе лежала пачка входящих писем. Молодой человек взял верхнее, но не открыл.

– Александр Петрович у себя. И лучше бы вам сначала помолиться.

– Поздно.

– Это да.

Андрей сделал шаг к внутренней двери.

– Корсаков.

Он обернулся.

– Что?

Молодой человек прищурился.

– Ничего.

Андрей подождал.

– Что-то не так?

– Вы сегодня очень вежливый.

– Не привыкай.

Ответ, кажется, устроил.

Андрей постучал.

– Войдите.

Кабинет был большим, но почти целиком занят книгами. Они стояли в шкафах, лежали на столе, на подоконнике, даже на отдельном стуле. За письменным столом сидел мужчина лет пятидесяти с небольшим – сухой, седоватый, с коротко подстриженной бородой.

Он не предложил Андрею сесть.

– Который час?

– Без четверти одиннадцать.

– Рад, что вы всё ещё умеете определять время.

Андрей молчал.

Громов протянул руку.

– Веденеев.

Андрей положил обе папки на стол.

Громов посмотрел на две, выбрал тонкую.

– Хоть это нашли.

– Нашёл.

– С вашей стороны уже достижение.

Он развернул дело.

Андрей наблюдал за ним и старался не делать лишних движений.

Умный человек.

Это было видно не по книгам и не по сухому тону. Громов не выговаривал ему эмоционально. Он проверял. Смотрел, как Корсаков реагирует на привычные уколы, помнит ли документы, понимает ли, зачем пришёл.

– Что вчера произошло? – спросил Громов.

– Пил.

– Это я установил без вашей помощи.

– Тогда зачем спрашиваете?

Громов поднял глаза.

На мгновение Андрей понял, что попал в правильную интонацию.

Ответ вырвался слишком быстро, и Громов это заметил.

Слишком быстро.

Громов заметил.

– Не помните?

– Не всё.

– Он разбил вам губу два месяца назад. Обычно такие знакомства запоминаются.

Андрей коснулся языком внутренней стороны губы. Никаких следов.

– Вчера он проявил выдержку.

– Надо будет поблагодарить.

– Обязательно. И заплатить извозчику, которого он нанял за свой счёт.

Громов закрыл папку.

– Теперь Веденеев.

– Я ещё не успел прочесть.

Тишина.

Вот теперь взгляд Громова стал по-настоящему внимательным.

– Простите?

Андрей мог соврать. Сказать, что прочитал и забыл после вчерашнего. Попытаться вытащить информацию из вопросов.

Плохая стратегия.

Чем длиннее ложь, тем больше в ней деталей, которых он не знает.

– Голова после вчерашнего не лучшая. Не хочу делать вид, что помню то, чего сейчас не помню. Дайте десять минут.

Громов медленно откинулся в кресле.

– Корсаков, вы заболели?

– Возможно.

– Тогда это первая болезнь, которая пошла вам на пользу.

Он подвинул папку обратно.

– Пятнадцать минут. Потом скажете, почему мировой судья не должен поверить господину Кузьмину.

Андрей взял дело.

– Здесь?

– За своим столом, если помните, где он находится.

Значит, стол у него был.

Когда Андрей вышел, молодой человек в нарукавниках уже разговаривал с пожилой женщиной. Увидев Корсакова, он кивнул в дальний угол второй комнаты.

Там действительно стоял небольшой стол, заваленный бумагами.

Андрей сел.

На краю лежала табличка для бумаг с фамилией: «С. Н. Корсаков».

Он открыл дело Веденева.

Первые две страницы пришлось читать медленно из-за почерка писаря. Язык был понятен. Несколько букв Андрей принимал не за те, возвращался назад, сверял слова.

Через пять минут картина начала складываться.

Веденеев – приказчик в мануфактурной лавке Кузьмина. Обвинён хозяином в присвоении тридцати семи рублей восьмидесяти копеек. Деньги якобы исчезли из кассы вечером четырнадцатого марта. Веденеев в тот день закрывал лавку и имел ключ.

Он отрицал кражу.

Против него были хозяин, другой приказчик и факт недостачи.

В папке лежала копия жалобы, выписка из книги, показания.

На полях одной страницы прежний Корсаков написал карандашом: «Спросить про воскресенье».

Андрей не понимал, что имелось в виду.

Он перелистнул дальше.

Ни плана защиты, ни выписок закона.

Зато нашёл письмо Веденева.

«Милостивый государь Сергей Николаевич, ещё раз покорнейше прошу не оставлять меня без защиты...»

Дальше – жалобы на бедность, мать и невозможность заплатить больше пяти рублей.

На письме тем же карандашом: «Получено 2 р. Остальные потом».

Вчерашний пьяный скандал, долги, два рубля с бедного приказчика.

Сергей Николаевич Корсаков пока не нравился ему всё больше.

– Десять минут прошло, – сказал кто-то рядом.

Тот молодой человек из первой комнаты поставил перед Андреем стакан воды.

– Пейте. Александр Петрович, может, и не убьёт. Но головная боль у вас останется.

– Спасибо.

Молодой человек застыл.

– Опять.

– Что?

– «Спасибо».

Андрей взял стакан.

– Как тебя зовут?

Вопрос вылетел прежде, чем он успел остановиться.

Молодой человек медленно поставил локти на стол.

– Это уже интересно.

– Головой ударился.

– Когда?

– Видимо, вчера.

– Вчера вас не роняли.

– Значит, раньше.

– Николай Сомов, – сказал молодой человек. – Третий год сижу с вами в одной комнате. Дважды одалживал вам деньги. Один раз вы чуть не женились на моей двоюродной сестре. Если вы сейчас спросите, кто такой Александр Петрович, я позову врача.

Андрей сделал глоток воды.

– Александр Петрович Громов. Присяжный поверенный. Мой патрон.

– Слава богу.

– Веденеев действительно вор?

Сомов пожал плечами.

– Откуда мне знать?

– Ты дело видел?

– Вчера. Когда пытался понять, что вы забыли сделать.

– И что я забыл?

– Всё.

Андрей снова посмотрел в папку.

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Что круг поиска сузился.

Сомов рассмеялся.

В дверях появился Громов.

– Корсаков.

Андрей встал с папкой.

– Иду.

В кабинете Громов указал на кресло.

Впервые предложил сесть.

– Ну?

Андрей положил дело на колени.

– Кузьмин утверждает, что деньги исчезли четырнадцатого вечером. Веденеев тогда закрывал лавку. Ключ у него был. Другой приказчик видел, как он оставался один минут двадцать.

– Это я знаю.

– В деле нет объяснения одной вещи.

Громов чуть поднял подбородок.

– Какой?

– Откуда Кузьмин знает точную сумму недостачи.

– Из кассовой книги.

– Да. Но выписка сделана не за один день. Там остаток сходилась только по итогам сверки. Если деньги исчезли четырнадцатого, сумма тридцать семь восемьдесят могла быть установлена после закрытия и пересчёта. Кузьмин говорит, что обнаружил недостачу сразу, ещё до полной сверки.

– И?

– Значит, либо он заранее знал, сколько должно быть в кассе до копейки, либо недостача возникла раньше.

– Слабо.

– Пока да.

– Что ещё?

Андрей открыл выписку.

– Прежний Корсаков написал: «Спросить про воскресенье».

– Прежний Корсаков?

Андрей почувствовал холод между лопатками.

– Я написал, – исправился он. – Не помню зачем.

Громов посмотрел на него слишком долго.

– В воскресенье лавка закрыта, – сказал он наконец.

– Тогда я хочу увидеть полную книгу, а не выписку Кузьмина.

– Зачем?

– Потому что если недостача появилась раньше двенадцатого, в книге это будет видно.

А если книга переписана после жалобы – тоже может быть видно.

– Вы почерковед?

– Нет.

– Бухгалтер?

– Тоже нет.

– Тогда не изображайте обоих сразу.

Андрей кивнул.

– Я хочу задать несколько вопросов самому Кузьмину.

– Сегодня вы хотели только дожить до обеда.

– Планы меняются.

Громов прикрыл глаза, потом взял со стола часы.

– Заседание в час. Я пойду с вами.

– Не доверяете?

– Совершенно.

– Разумно.

– Вот это меня и тревожит, Корсаков. Со вчерашнего дня вы внезапно стали разумным.

Глава 4. Первое дело

Мировой суд оказался меньше, чем Андрей ожидал.

Никакой торжественной тяжести современного большого процесса. Комната, стол судьи, несколько скамей, писарь. Люди входили и выходили, шептались у дверей, пахло мокрыми пальто и бумагой.

Андрей сел рядом с Громовым и положил перед собой папку Веденеева.

За последние сорок минут он успел узнать три вещи.

Первое: в Петербурге мировые суды всё ещё существуют, хотя из обрывочных замечаний Громова он понял, что в других местах система уже менялась.

Второе: Сергей Корсаков как помощник присяжного поверенного ходатайствовал по делам не первый год и появление его здесь никого не удивляло.

Третье: знать современное право в девятнадцатом веке было почти так же полезно, как знать правила шахмат на карточном турнире. Некоторые принципы угадывались. Термины – иногда. Процедура – нет.

И это Андрею не нравилось.

– Не смотрите так, будто вас сейчас судить будут, – тихо сказал Громов.

– Я пытаюсь понять порядок.

– За три года не поняли?

– Решил освежить.

– Вчера освежали водкой.

Андрей промолчал.

На другой скамье сидел Веденеев – худой мужчина около тридцати, с неровно подстриженной бородой. Он уже несколько раз посмотрел на Корсакова и каждый раз быстро отводил глаза.

Рядом с ним – пожилая женщина в чёрном платке. Наверное, мать.

Напротив расположился Кузьмин, хозяин лавки. Крепкий, краснолицый, в хорошем сюртуке. При нём был представитель – сухой мужчина с папкой, который здоровался с Громовым как со знакомым.

Дело вызвали.

Кузьмин говорил первым. Двадцать минут Андрей слушал историю, которую уже видел на бумаге.

Четырнадцатого марта из кассы исчезли тридцать семь рублей восемьдесят копеек. Веденеев в тот вечер остался один, закрывал лавку, имел доступ к деньгам. На следующий день при сверке обнаружилась недостача. Веденеев после вопроса хозяина побледнел, начал путаться, а через день попросил расчёт.

Звучало плохо.

Звучало плохо, хотя шанс оставался.

Судья спросил Веденеева:

– Признаёте?

– Никак нет, господин судья.

– Деньги в руках были?

– Были. Я продажи принимал.

– Ключ от кассы?

– В тот день был.

– Почему после разговора с хозяином попросили расчёт?

Веденеев посмотрел на Кузьмина.

– Потому что он меня вором назвал.

Кузьмин фыркнул.

– А вы что хотели после пропажи?

Судья постучал карандашом по столу.

– Не разговаривать между собой.

Андрей почувствовал на себе взгляд Громова.

«Слушайте», – говорил этот взгляд.

Он и слушал.

Потом допрашивали второго приказчика, Егорова. Тот подтвердил, что Веденеев оставался один.

– Долго? – спросил судья.

– Минут двадцать, может, четверть часа.

– Касса была открыта?

– Ключ у него.

– Откуда знаете?

– Кузьмин Иван Степанович сам дал.

– Когда?

Егоров задумался.

– После обеда.

Андрей сделал отметку.

Кузьмин говорил, что Веденеев обычно имел ключ в конце дня. Егоров – что ключ дал сам хозяин именно после обеда.

Мелочь.

Пока ничего.

Когда очередь дошла до вопросов защиты, Громов едва заметно кивнул Андрею.

Это было хуже, чем если бы он сам встал.

Андрей поднялся.

– Иван Степанович, вы сказали, что недостачу обнаружили на следующий день при сверке?

– Именно.

– Кто сверял?

– Я и бухгалтер.

– До сверки вы знали, что деньги пропали?

Кузьмин пожал плечами.

– Я вечером уже видел, что в кассе меньше.

– Насколько меньше?

– На те самые тридцать семь рублей восемьдесят копеек.

– Вы пересчитали кассу вечером?

– Конечно.

– Записали результат?

Кузьмин помедлил.

– Не обязан я каждую копейку ночью записывать.

– Значит, вечером пересчитали, но запись сделали позже?

Представитель Кузьмина поднялся.

– К чему эти вопросы? Факт недостачи подтверждён книгой.

Судья посмотрел на Андрея.

Формулировка прозвучала бы здесь чужеродно. Он выбрал проще:

Слишком современно.

Он выбрал проще:

– Если сумма была точно известна уже вечером, должна существовать основа для такого расчёта. Я хочу понять, какая.

Судья кивнул.

– Продолжайте.

Громов рядом ничего не сказал.

Это Андрей счёл одобрением.

– Иван Степанович, наличность в кассе весь день изменялась?

– Разумеется. Торговля шла.

– Были расходы?

– Мелкие.

– Выплаты поставщикам?

– Были.

– Личные изъятия вами денег из кассы?

Кузьмин покраснел сильнее.

– Какие ещё личные изъятия?

– Вы брали деньги в течение дня?

– Это моя касса.

– То есть брали?

– Брал. На расходы.

– Они записаны?

– Разумеется.

Андрей повернулся к Громову. Тот едва заметно подвинул к нему лист.

На листе было одно слово: «Воскресенье».

Андрей посмотрел на Кузьмина.

– Лавка по воскресеньям открыта?

– Нет.

– Двенадцатого марта была закрыта?

– Была.

– Кто имел доступ к кассе?

Кузьмин нахмурился.

– Я.

– Веденеев?

– Нет.

– Егоров?

– Нет.

– Бухгалтер?

– Он не приходит по воскресеньям.

– Хорошо.

Андрей взял выписку, приложенную самим Кузьминым.

– В записи за тринадцатое марта указан остаток на начало дня?

– Указан.

– Он перенесён с предыдущего торгового дня?

Кузьмин молчал.

Андрей уже понял, что увидел прежний Корсаков.

Он увидел в записи дыру.

Последним торговым днём перед понедельником было одиннадцатое марта. Если двенадцатого лавка закрыта, остаток на утро тринадцатого должен совпадать с остатком после закрытия одиннадцатого – если в воскресенье никто ничего не брал.

Разница составляла двадцать рублей.

Андрей положил две страницы рядом.

– Иван Степанович, одиннадцатого вечером в кассе по вашей же выписке оставалось сто восемьдесят четыре рубля двадцать копеек. Тринадцатого утром – сто шестьдесят четыре рубля двадцать. Двенадцатого лавка была закрыта. Куда делись двадцать рублей?

Кузьмин посмотрел на своего представителя.

Тот быстро взял выписку.

– Возможно, ошибка переписчика.

– Возможно, – согласился Андрей. – Тогда хотелось бы видеть подлинную книгу.

Судья протянул руку.

Представитель Кузьмина передал бумаги.

Пару минут было тихо.

Веденеев смотрел на Андрея так, будто тот только что вынул кролика из пустой шляпы.

Сам Андрей чувствовал иначе.

Невиновность Веденева он не доказал. Только показал, что касса жила собственной жизнью ещё до предполагаемой кражи.

Но этого уже было достаточно, чтобы уверенность Кузьмина перестала выглядеть такой аккуратной.

– Подлинная книга у вас? – спросил судья.

– В лавке, – ответил Кузьмин.

– Почему не представили?

– Полагал выписки достаточными.

– Не полагайте за суд.

Заседание отложили для представления подлинной книги и вызова бухгалтера.

В коридоре Громов шёл молча.

Андрей не выдержал:

– Плохо?

– Что именно?

– Мои вопросы.

– Три были лишними.

– Какие?

Громов назвал.

Андрей мысленно прокрутил допрос и понял, что тот прав: ответы ничего не дали и только позволили Кузьмину освоиться.

– А остальное?

– Остальное вы почему-то сделали лучше, чем должны были.

– Комплимент?

– Наблюдение.

Они остановились у окна в коридоре.

– Вы не выиграли дело, Корсаков.

– Я знаю.

– Вчерашний вы сейчас уже рассказывал бы Веденеву, что спас его от каторги.

– За тридцать семь рублей?

Андрей понял, что опять сказал что-то не то.

– Фигура речи.

– Нет. Вот именно это меня и беспокоит.

– Что?

– Вы сегодня слушаете ответы.

– Раньше не слушал?

– Раньше вы ждали своей очереди говорить.

Громов пошёл дальше.
На лестнице их догнал Веденеев.
– Сергей Николаевич!
Андрей обернулся.
Приказчик нервно мямля шапку.
– Я... благодарить рано, понимаю. Но всё же.
– Рано, – сказал Андрей. – И деньги пока не несите.
Веденеев застыл.
Громов тоже.
– Какие деньги?
Андрей вспомнил карандашную запись на письме.
«Получено 2 р. Остальные потом».
– Остаток гонорара.
Веденеев растерялся.
– Вы сами сказали, что можно после дела.
– Вот после дела и разберёмся.
– Сергей Николаевич, я найду.
– Не надо искать то, чего пока нет.
Громов спустился на одну ступень ниже и посмотрел на Андрея снизу вверх.
– Вы уверены, что вам не нужен врач?
– Уже меньше.
– Мне – больше.
На улице Андрей вдохнул холодный воздух.
Первое дело он не выиграл.
Но впервые с утра почувствовал, что под ногами есть хоть что-то твёрдое.
Законы были чужими. Процедура – чужой. Город – чужой. Даже руки, которыми он застёгивал сюртук, принадлежали другому человеку.
Но противоречие оставалось противоречием.
Этого пока хватало.

Глава 5. Долги чужого человека

Громов не сказал ни слова о заседании, пока они не вышли на Невский.

Он шёл быстро, придерживая одной рукой полы пальто. Андрей держался рядом и старался не смотреть по сторонам. После суда город снова начал отвлекать. Лошади, извозчики, вывески, запах угольного дыма, мокрый снег в тени домов. Всё требовало внимания, а у него и без того было чем занять голову.

– Вы нашли противоречие, – наконец сказал Громов.

– Оно там было.

– Удивительно скромно.

– Хотите, чтобы я похвалил себя сам?

– Я хочу понять, где вы были последние три года.

– Здесь, насколько помню.

Громов остановился у края мостовой, пропустил экипаж и повернул к нему голову.

– Нет, Корсаков. Вот именно это вы помните хуже всего.

Андрей промолчал.

На заседании он сделал то, что умел. Нашёл место, где версия обвинителя опиралась на предположение, заставил свидетеля уточнить детали и вовремя остановился. Но дважды едва не нарушил порядок, один раз обратился к судье так, как привык в своём времени, и только кашель Громова спас его от более заметной ошибки.

В конце концов сам Громов вмешался и задал вопросы, которые Андрей не мог сформулировать без знания местной процедуры.

Первое дело в девятнадцатом веке закончилось не победой. Веденеев получил возможность продолжить спор, обвинение уже не выглядело бесспорным, но решение отложили.

Для первого дня этого было достаточно.

– Завтра в десять, – сказал Громов.

– Я помню.

– Это меня и пугает.

– Вам трудно угодить.

– Я давно оставил попытки угождать вам.

Громов собрался уходить, но Андрей остановил его:

– Александр Петрович.

– Что?

– У меня есть дела, которые нельзя откладывать?

Громов медленно повернулся.

– Все ваши дела нельзя было откладывать ещё неделю назад.

– Я серьёзно.

– Я тоже.

– Самое срочное?

Громов изучал его лицо.

– Расплатитесь с Гольцевым. Он вчера приходил в контору и обещал в следующий раз привести человека из полиции.

– За что должен?

– Вы у меня спрашиваете?

Андрей выдержал взгляд.

– Сегодня спрашиваю.

Громов вздохнул.

– За деньги, Корсаков. Это традиционная причина долгов. Подробности узнаете у самого Гольцева.

Он ушёл.

Андрей остался на тротуаре.

Из сказанного следовало две вещи. У Сергея Корсакова были кредиторы, достаточно настойчивые, чтобы являться к работодателю. И Громов привык к тому, что Корсаков способен не помнить собственных долгов.

В обычных обстоятельствах это выглядело бы плохо.

В нынешних почти помогало.

До квартиры он добрался пешком. День был сырой, но не холодный, и за сорок минут Андрей успел отметить несколько ориентиров. Литейный. Фонтанка. Церковь, которую он когда-то видел только на фотографиях. Доходный дом с зелёной вывеской аптекаря. Он заставлял себя запоминать маршрут так же, как когда-то запоминал коридоры незнакомых судов.

У подъезда его уже ждали.

Мужчина лет сорока пяти стоял под козырьком, постукивая тростью по сапогу. Невысокий, плотный, в хорошем пальто, которое сидело на нём чуть теснее, чем следовало. Увидев Андрея, он перестал стучать.

– Наконец-то.

Андрей замедлил шаг.

– Добрый день.

– Для кого как.

Мужчина подошёл ближе.

– Я дважды приходил. Вас нет. Посылал мальчика. Вы велели передать, что будете в пятницу. Сегодня понедельник.

Гольцев.

Вероятность была высокой, но угадывать Андрей не хотел.

– И сколько я вам должен?

Мужчина уставился на него.

– Это новая шутка?

– Проверяю, совпадают ли наши цифры.

– Семьдесят восемь рублей.

Сумма прозвучала хуже, чем Андрей надеялся. По тому, как Корсаков жил, это были не карманные деньги.

– С копейками?

– Без. Я вам не ростовщик.

– За что?

Гольцев прищурился.

– Вы действительно ничего не помните?

– Вчера был не лучший мой день.

– Я слышал.

– Значит, объяснение вас не удивляет.

Это сработало. Мужчина раздражённо выдохнул.

– Тридцать рублей вы заняли в декабре. Потом ещё двадцать. Потом просили оплатить ваш счёт у Фёдорова, потому что хозяин грозился выставить вас за дверь. Остальное за карты.

– Мы играли вместе?

– И не раз.

– Я вам проиграл?

– Вы всем проиграли.

Андрей кивнул.

Картина Сергея Корсакова становилась всё менее привлекательной.

– Когда вам нужны деньги?

– Вчера.

– Тогда придётся договариваться о завтра.

Гольцев усмехнулся без веселья.

– Вы это уже говорили.

– Сколько я могу внести сейчас, чтобы вы неделю ко мне не приходили?

– Половину.

В комнате у Корсакова было меньше десяти рублей наличными.

– Десять.

– Сорок.

– Двенадцать.

– Тридцать пять.

– У меня нет тридцати пяти.

– А у меня нет желания ждать.

– Тогда вы можете сейчас устроить скандал, получить ничего и потратить вечер. Или взять десять и через неделю получить ещё часть.

Гольцев смотрел на него с таким выражением, будто впервые обнаружил в знакомом человеке неприятное новое свойство.

– Вы сегодня трезвый?

– Пока да.

– Десять сегодня. Двадцать через неделю.

– Пятнадцать.

– Двадцать.

Андрей протянул руку.

– Хорошо.

Гольцев не пожал её сразу.

– Если исчезнете, я пойду к Громову.

– Это уже не работает. Он заранее предупредил меня о вас.

Впервые за разговор мужчина улыбнулся.

– Вот старый чёрт.

Андрей поднялся в квартиру, отсчитал десять рублей и получил расписку. Он настоял на ней так спокойно, что Гольцев перестал шутить.

Когда дверь за кредитором закрылась, Андрей положил расписку на стол и сел.

Семьдесят восемь рублей одному человеку.

На столе лежали ещё счета. Портной. Трактир. Хозяин квартиры. Какой-то Пастухов, которому Корсаков обещал двадцать пять рублей до первого числа. В ящике нашлись две расписки, составленные настолько небрежно, что Андрей несколько минут разбирал почерк.

Он взял чистый лист и начал считать.

Через полчаса получилось сто сорок три рубля подтверждённых долгов и ещё около тридцати, происхождение которых было неясно.

Денег в комнате после Гольцева осталось семь рублей тридцать копеек.

– Молодец, Сергей Николаевич.

Чужое имя уже переставало казаться совершенно посторонним. Возможно, потому что все проблемы приходили именно к Сергею Николаевичу, а решать их приходилось Андрею.

Он отложил счета и открыл нижний ящик письменного стола.

Вчера он его проверял. Быстро, в поисках документов и подтверждения даты. Теперь вытащил всё.

Пачка писем.

Несколько визитных карточек.
Записная книжка в потёртой кожаной обложке.
Книга расходов.
Андрей сначала взял книгу.
Корсаков вёл её нерегулярно. В январе записи шли почти каждый день. В феврале появлялись раз в неделю. В марте оставались отдельные суммы без пояснений.
Десять рублей. Пять. Два пятьдесят.
Потом запись, от которой Андрей выпрямился.
«Получено 300».
Триста рублей.
Дата стояла чуть больше трёх недель назад.
Он перевернул страницу.
Никаких крупных покупок следом не было.
Долги тоже не закрыты.
Андрей пересчитал даты ещё раз. Всё сходилось.
Корсаков, который сейчас не имел даже двадцати рублей, недавно получил сумму, способную решить почти все его финансовые проблемы.
И не решил ни одной.
Он начал перебирать бумаги внимательнее.
В записной книжке на той же неделе нашлась короткая строка:
«К. 300. До конца месяца».
Больше ничего.
В записи не было ни фамилии, ни адреса, ни назначения платежа.
Буква «К».
Андрей несколько минут смотрел на неё.
Потом проверил карманы старого пальто, подкладку ящика, папки. Нашёл две монеты, старый билет в театр и засохший табак. Трёхсот рублей не было.
Из коридора донёсся стук.
На этот раз Андрей не торопился открывать.
– Кто?
– Я.
Женский голос.
Он ничего не сказал.
За дверью подождали.
– Серёжа, открой.
Это было хуже кредитора.
Андрей медленно встал.
Вчера хозяйка комнаты называла его Сергеем Николаевичем. Молодой конторщик обращался к нему на «вы». Громов держал дистанцию.
Женщина за дверью сказала «Серёжа» так, как имеют право говорить немногие.
Он открыл.
На площадке стояла девушка лет двадцати двух. Тёмное дорожное платье, мокрые от снега плечи, небольшая сумка в руке. Светлые волосы убраны под шляпку. На лице тревога, которая за секунду сменилась раздражением.
– Живой.
Андрей посторонился.
– Матвей написал, что тебя вчера привезли домой почти без сознания.
Матвей оказался человеком деятельным.
– Преувеличил.

– Он никогда не преувеличивает. В отличие от тебя.
Она положила сумку на стул.
Андрей закрыл дверь.
Сестра.
Почти наверняка.
Но имя он не знал.
– Ты почему приехала? – спросил он.
Она резко повернулась.
– Потому что мой брат третий месяц отвечает на письма раз в две недели, занимает деньги у знакомых, а вчера напился до того, что его тащили по лестнице. Достаточно причин?
Брат.
Подтверждение не принесло облегчения.
– Достаточно.
Девушка прищурилась.
– Что с тобой?
– Голова болит.
– После вчерашнего неудивительно.
Она подошла ближе и внимательно посмотрела ему в лицо.
Андрей почувствовал себя свидетелем на перекрёстном допросе.
– Ты какой-то другой.
– Всего сутки не пил.
– Я серьёзно.
– Я тоже.
Она коснулась пальцами его виска.
Движение было настолько естественным, что Андрей не успел отстраниться.
– У тебя синяк.
Он замер.
Боль в затылке была с момента пробуждения. В зеркале он видел бледное пятно у линии волос, но не придавал значения.
– Упал, наверное.
– Матвей ничего про падение не писал.
– Значит, не видел.
Девушка продолжала смотреть на него.
Андрей выдержал паузу и отвёл глаза первым.
На столе лежала открытая записная книжка.
Она заметила.
– Ты считаешь долги?
– Пытаюсь.
Теперь удивление стало настоящим.
– Сам?
– Неужели всё настолько плохо?
– Серёжа, ты в январе сказал, что человек, который считает собственные долги, признаёт поражение.
– Глупость сказал.
– Да.
Она улыбнулась, но ненадолго.
– Мне привезти тебе денег?
– Нет.
Ответ вырвался быстрее, чем Андрей успел подумать.

Она медленно села на стул.

– Вот теперь я точно спрашиваю: что произошло?

– Ничего, с чем я не разберусь.

– Ты никогда так не говоришь.

– Значит, пора начинать.

Девушка опустила взгляд на его руки, потом снова на лицо.

– Ты хоть помнишь, как меня зовут?

Андрей почувствовал, как внутри всё холодеет.

Она спросила это почти шутя.

Почти.

На столе среди писем он утром видел конверт, подписанный женской рукой. «Сергею Николаевичу Корсакову». Обратного адреса не было. В конце письма стояло имя.

Он видел его лишь раз.

– Лиза.

Девушка чуть расслабилась.

– Уже хорошо.

Елизавета.

Андрей запомнил.

Она начала рассказывать о матери, о какой-то тётке Анне, о том, что дома ждут его к Пасхе. Андрей отвечал коротко, осторожно. В основном слушал.

Через двадцать минут он знал о Сергее Корсакове больше, чем за весь предыдущий день.

И почти ничего из услышанного ему не нравилось.

Сергей не был безнадёжным пьяницей. Пил запоями после неудач. Мог месяц работать ночами, потом неделю не появляться у семьи. Два года назад поссорился с отцом перед его смертью и до сих пор избегал разговоров об этом. Деньги занимал легко, отдавал тяжело. Сестру любил, но обещаний ей почти никогда не выполнял.

Лиза не сообщала эти сведения как справку. Они всплывали в упреках, бытовых вопросах, обрывках старых обид.

Это было хуже любой справки о прошлом.

Перед уходом она остановилась у двери.

– Я всё равно завтра зайду.

– Не обязательно.

– Именно поэтому зайду.

Она взялась за ручку и вдруг обернулась.

– Серёжа.

– Что?

– Триста рублей нашлись?

Андрей не пошевелился.

Лиза заметила это сразу.

– Значит, нет.

– Откуда ты знаешь про триста?

Теперь насторожилась она.

– Ты сам говорил.

– Что именно?

– Что получишь хороший гонорар и закроешь долги. В конце февраля. Я ещё удивилась, кому понадобились твои услуги за такие деньги.

– Я называл клиента?

– Нет.

– Букву? Фамилию? Что-нибудь?

– Серёжа, я не веду протоколы наших разговоров.

– Попробуй вспомнить.

Она нахмурилась.

– Ты сказал только, что дело неприятное и больше им заниматься не будешь.

«К. 300. До конца месяца».

– А потом? – спросил он.

– Что потом?

– После денег. Я действительно перестал заниматься делом?

Лиза долго молчала.

– Я думала, что да.

– Почему думала?

– Потому что через неделю ты снова попросил у меня пять рублей.

Она открыла дверь.

– Если найдёшь триста, начни с того, что верни мои пять.

Лиза ушла.

Андрей дождался, пока стихнут её шаги, и вернулся к столу.

Буква «К» никуда не делась.

Триста рублей тоже не появились.

Но теперь у платежа было назначение.

Корсаков получил деньги за то, чтобы прекратить какое-то дело.

И, судя по тому, что долги остались нетронутыми, либо быстро спустил огромную сумму, либо деньги исчезли по другой причине.

Андрей закрыл книжку.

На коже у виска под волосами ныл синяк.

Он впервые подумал, что вчерашнее пьянство Сергея Корсакова могло объяснять не всё.

Глава 6. Чужие правила

Год Андрей установил утром.

Газетчик у перекрёстка выкрикивал заголовки так громко, будто от него зависел исход европейской политики. Андрей купил номер, отошёл к стене дома и посмотрел на дату.

Март 1895 года.

Он перечитал цифры дважды.

До этого можно было цепляться за одежду, экипажи, фамилии чиновников в бумагах и пытаться оставить себе хотя бы теоретическую возможность ошибки. Чёрная типографская строка убрала последнее удобное сомнение.

Андрей сложил газету и пошёл в контору.

Ему было тридцать девять лет. Он родился больше чем через восемьдесят лет после сегодняшней даты. Его родители ещё не родились. Дом, в котором он вырос, не был построен. Даже кладбища, где лежал его отец, пока не существовало.

Мысль оказалась слишком большой, чтобы носить её с собой до работы.

Поэтому он занялся более полезным делом: попытался не попасть под конку.

В конторе Громова уже работали.

Молодой человек в нарукавниках, которого звали Николай Сомов, сортировал почту. Матвей, вчера дважды упомянутый как специалист по транспортировке пьяных Корсаковых, стоял у шкафа и искал папку.

Увидев Андрея, Матвей присвистнул.

– Второй день подряд.

– Привыкай.

– Не хочу заранее разочаровываться.

Андрей снял пальто.

– Ты меня вчера домой привёл?

– Не один. Ты сопротивлялся.

– Я падал?

Матвей перестал перебирать папки.

– С лестницы?

– Вообще.

– До того как мы тебя нашли, не знаю. У «Медведя» ты уже сидел за столом и спорил с пустым стулом.

– Очень убедительно?

– Стул победил.

– На голове был синяк?

Матвей задумался.

– Кажется, да. Ты говорил, что ударился о вывеску.

– Какую?

– Серёжа, я в тот момент больше беспокоился, чтобы ты не блеванул мне на пальто.

Андрей кивнул.

– Справедливо.

Матвей прищурился.

– Ты правда ничего не помнишь?

– Кусками.

– Тогда я бы не торопился вспоминать.

– Почему?

– Потому что после полуночи ты решил, что умеешь петь.

Николай за столом кашлянул, скрывая смех.

Из кабинета высунулся Громов.

– Если обсуждение музыкального дарования Корсакова закончено, зайдите оба.

Матвей забрал папку и ушёл в соседнюю комнату. Андрей вошёл к Громову.

Громов не сразу подвинул к нему новое дело.

– Сначала врач.

– Я стою на ногах.

– Именно поэтому пойдёте сами, а не поедете туда после второго падения. Карточку доктора Белозерова вы, надеюсь, ещё не потеряли?

Андрей машинально коснулся внутреннего кармана.

– Не потерял.

– Хорошо. После заседания зайдёте к нему. До его заключения один в суд больше не ходите.

Белозеров в тот же вечер долго расспрашивал о пьянстве, ударах, головной боли и провалах. Андрей отвечал ровно настолько правдиво, насколько позволяла невозможная часть истории. Врач нашёл заживающую ссадину, не увидел признаков тяжёлой травмы и назвал потерю памяти возможным последствием удара, переутомления или выпивки. Велел не пить, спать и прийти снова, если провалы повторятся.

Объяснение ничего не объясняло Андрею, зато объясняло его окружающим. И имело цену: следующую неделю Громов не выпускал его на заседания одного и каждый вечер спрашивал, не исчез ли ещё кусок памяти.

На столе лежало новое дело.

– Сегодня попробуете без моих подсказок, – сказал Громов.

– Вчера вы тоже так говорили.

– Вчера я надеялся. Сегодня проверяю.

Он подвинул папку.

– Карпов. Частное обвинение. Драка в трактире. Заседание в половине первого.

Андрей открыл дело.

– Чего хочет клиент?

Громов задержал на нём взгляд.

– Хороший вопрос. Задайте его Карпову.

– Вы не знаете?

– Знаю. Хочу проверить, спросите ли вы сами.

В другое время Андрей счёл бы это раздражающим наставничеством. Сейчас предпочёл промолчать.

Михаил Карпов появился около десяти. Двадцать восемь лет, приказчик в мебельной лавке, широкие плечи, разбитая костяшка на правой руке. Он нервно крутил шапку и обращался к Громову, хотя сидел напротив Андрея.

История была простой.

Три недели назад Карпов пил в трактире с двумя знакомыми. За соседним столом сидел Александр Якушев, сын домовладельца, с которым Карпов давно враждовал из-за комнаты. Начались насмешки. Потом Якушев якобы толкнул Карпова. Карпов ударил его. Драка закончилась сломанным носом Якушева и рассечённой губой самого Карпова.

Якушев подал жалобу.

– Кто ударил первым? – спросил Андрей.

– Он.

– Чем?

– Рукой.

– Куда?

– В грудь.
– Свидетели?
– Мои приятели видели.
– В деле их показания есть. Оба подтверждают, что он подошёл к вам. Сам толчок один видел, другой нет.

Карпов кивнул.

– Так и было.
– Чего вы хотите от суда?

Тот замялся.

– Чтобы виноватым не сделали.

– Это понятно. Что для вас хороший исход? Примирение? Небольшое взыскание? Полное оправдание?

Карпов посмотрел на Громова.

– Александр Петрович сказал, можно миром.

– А вы хотите?

– Хотел.

– Почему в прошедшем времени?

Карпов сжал шапку.

– Якушев вчера моему хозяину говорил, что меня посадят. Смеялся.

– Поэтому теперь хотите оправдания?

– Хочу, чтобы ему показали, что он не хозяин всего города.

Андрей посмотрел в дело.

– Свидетель трактира, Семён Лебедев. Официант?

– Половой.

– Он утверждает, что видел, как вы ударили Якушева первым.

– Врёт.

– Почему ему врать?

Карпов пожал плечами.

– Якушев деньги дал.

– Видели?

– Нет.

– Тогда этого не говорите.

– А что говорить?

– Правду. И только то, о чём спросят.

Карпов ушёл вместе с Николаем оформлять какие-то бумаги. Громов всё это время почти не вмешивался.

Когда дверь закрылась, он спросил:

– Ваше мнение?

– Если Лебедев действительно видел начало драки, дело плохое. Если нет, можно разрушить его показания.

– А примирение?

– Карпов больше не хочет.

– Он хочет не чувствовать себя униженным.

– Для суда разницы нет.

– Для клиента есть.

Андрей поднял голову.

– Вы хотите, чтобы я его уговаривал?

– Я хочу, чтобы вы помнили: он пришёл к нам не за красивым допросом свидетеля.

– Я помню.

Громов закрыл папку.

– Посмотрим.

К половине первого Андрей уже успел прочитать выписки из Устава настолько внимательно, насколько позволял час. Некоторые слова были знакомы. Некоторые правила казались почти современными, пока не выяснялось, что сходство заканчивается на названии.

Он делал пометки на отдельном листе и чувствовал странное спокойствие.

Текст закона был чужим, но у него хотя бы были страницы и номера статей. Человека можно было не помнить. Закон можно выучить.

Заседание началось вовремя.

Якушев пришёл с поверенным. Нос уже зажил, но он несколько раз касался его, пока рассказывал о драке.

– Я подошёл потребовать, чтобы Карпов перестал обсуждать меня с посетителями, – объяснил он судье. – Он вскочил и сразу ударил.

– Вы его толкали?

– Нет.

– Касались?

– Возможно, взял за плечо. Чтобы успокоить.

Карпов рядом с Андреем тихо фыркнул.

– Молчите, – сказал Андрей.

Показания друзей Карпова помогли мало. Один был уже пьян и помнил только, что Якушев подошёл первым. Второй видел толчок, но не мог сказать, сильным ли он был.

Потом вызвали Лебедева.

Невысокий мужчина около сорока, с редкими волосами и нервными руками.

Он уверенно подтвердил версию Якушева.

Карпов ударил первым.

Андрей слушал.

– Где вы находились? – спросил он, когда получил возможность задавать вопросы.

– У стойки.

– Что делали?

– Счёт относил.

– Кому?

Лебедев назвал посетителя.

– Где сидел этот господин?

– У окна.

– Покажите на плане.

В деле был грубый чертёж трактира. Андрей развернул его.

Лебедев указал стол.

– Вы шли от стойки к окну?

– Да.

– В этот момент началась ссора?

– Да.

– Между вами и столом Карпова находилась печь?

Лебедев замолчал.

– С одного места находилась.

– С какого?

– Когда я от стойки вышел.

– Тогда вы видели Карпова?

– Потом увидел.

– Когда обошли печь?

– Да.

– Что происходило в этот момент?

Лебедев посмотрел на Якушева.

– Они уже дрались.

Внутри возникло знакомое ощущение: рассыпанные детали вдруг начали вставать в ряд.

– Значит, первого удара вы не видели?

– Я видел, как Карпов ударил.

– Это был первый удар?

– Я...

– Вы видели, что происходило до того, как обошли печь?

– Нет.

Карпов рядом перестал дышать.

Андрей задал ещё два вопроса. Лебедев вынужден был признать: начало ссоры он только слышал. Когда увидел мужчин, они уже стояли вплотную друг к другу.

Показание, на котором держалась уверенность Якушева, стало значительно слабее.

Андрей сел.

Карпов прошептал:

– Вот.

Громов, сидевший сзади среди публики, не изменил выражения лица.

Потом случилось то, чего Андрей не ожидал.

Якушев попросил слова и предложил примирение.

Он был готов отозвать жалобу, если Карпов оплатит лекаря и публично признает, что драка произошла по взаимной горячности.

Сумма была небольшой.

Судья посмотрел на Карпова.

– Согласны?

Карпов повернулся к Андрею.

Тот быстро оценил положение.

Главный свидетель обвинения только что признал, что не видел начала драки. Один свидетель защиты видел толчок. Телесные повреждения были у обоих.

Дело выглядело выигранным.

– Решение ваше, – тихо сказал Андрей. – Но сейчас доказательства уже не такие, какими были утром.

Карпов понял именно то, что хотел услышать.

– Не согласен.

Якушев побледнел.

Его поверенный что-то прошептал ему.

Судья уточнил:

– Окончательно?

– Окончательно.

Громов сзади едва заметно опустил голову.

Андрей заметил, но было поздно.

У Якушева оставался ещё один свидетель.

В деле его не было.

Хозяин трактира, вызванный по инициативе самого суда после предыдущего заседания, появился из коридора. Пожилой мужчина с красным лицом, который в тот вечер сидел в соседней комнате.

Он не видел первого удара.

Зато слышал разговор до драки.

И повторил слова Карпова, которые тот утром не счёл нужным сообщить защитнику.
«Ещё раз тронешь мои вещи, я тебе морду разнесу».

Потом хозяин рассказал, что за несколько минут до драки Карпов сам пересел ближе к Якушеву.

Картина изменилась.

Толчок со стороны Якушева по-прежнему оставался возможным. Однако теперь Карпов выглядел человеком, который пришёл к столкновению подготовленным и сам его искал.

Андрей попытался уточнить расстояния, время и точные слова.

Свидетель отвечал спокойно.

Он не был идеальным. Но ломать его было нечего.

Карпов начал нервничать.

И сделал ещё хуже.

Когда судья спросил, говорил ли он угрозу, Карпов сначала отрицал. Потом признал, что мог сказать «что-то похожее». Потом заявил, что Якушев заслуживал большего.

Андрей закрыл глаза на секунду.

Решение оказалось мягче, чем могло быть, но хуже того соглашения, от которого Карпов отказался. Ему назначили денежное взыскание, расходы и отдельно отметили его поведение в заседании.

В коридоре Карпов был красный от злости.

– Так вы же сказали, что дело хорошее.

– Я сказал, что свидетель Якушева слабее, чем казалось.

– А это не одно и то же?

– Нет.

– Мне какая разница? Я теперь ещё больше платить должен.

Андрей хотел ответить, что Карпов сам отказался от примирения.

Слова уже почти появились.

Он остановился.

Утром Карпов сказал, чего хотел. Он хотел не чувствовать себя униженным. Андрей услышал только юридическую часть.

– Вы не сказали мне про угрозу, – произнёс он.

– Я забыл.

– И про то, что пересели к нему.

– Это что, преступление?

– Нет. Но мне нужно было знать.

Карпов махнул рукой.

– Вы все одинаковые. Пока дело идёт, умные. Потом клиент сам виноват.

Он ушёл.

Андрей остался в коридоре.

Громов подошёл через минуту.

– Хотите сказать, что клиент вам солгал?

– Да.

– Это случается.

– Я знаю.

– По вашему лицу не видно.

– Вы знали про второго свидетеля?

– Знал, что суд его вызвал. Не знал, что он скажет.

– И не предупредили.

– В папке была отметка.

Андрей вспомнил короткую строчку на обороте последнего листа. Он принял её за техническую запись и не разобрал сокращение.

– Хорошо, – сказал он.

– Что хорошо?

– Моя ошибка.

Громов чуть поднял брови.

– Две.

– Какая вторая?

– Вы выиграли спор со свидетелем и решили, что выиграли дело.

– На тот момент положение было хорошим.

– Было. Поэтому Якушев предложил мир.

– Карпов отказался.

– После того как спросил вашего совета.

Громов пошёл к лестнице. Андрей догнал его.

– Вы хотели, чтобы я уговорил его согласиться?

– Нет. Я хотел, чтобы вы объяснили ему риск. Собственное впечатление от удачного допроса оставьте при себе.

– Я сказал, что решение его.

– А потом сказали, что доказательства стали лучше.

– Это правда.

– Правда может быть неполной.

Они спустились на первый этаж.

У двери Громов остановился.

– Вы сегодня слушали Лебедева лучше, чем любой Корсаков, которого я видел за последний год. А Карпова слушали хуже.

– Потому что он клиент?

– Потому что вы уже решили, какую задачу решаете.

На улице шёл мокрый снег.

Громов раскрыл зонт.

– В суде редко дают награду за самый красивый вопрос, Сергей Николаевич. Иногда надо просто оставить человеку возможность уйти с тем, за чем он пришёл.

Он перешёл улицу.

Андрей остался под козырьком.

Его раздражало, что Громов был прав.

Ещё сильнее раздражало другое.

В современном суде он совершал ту же ошибку не раз. Просто там опыт позволял чаще скрывать последствия.

Он достал из кармана сложенную газету.

1895.

Другой век ничего в нём не исправил.

Пока.

Глава 7. Крестовский

На третий день Андрей начал замечать, что чужая жизнь привыкает к нему быстрее, чем он к ней.

Утром он уже не искал глазами выключатель. Воду наливал в таз, не задумываясь. С монетами разобрался настолько, чтобы не следить за лицом каждого извозчика. Дорогу до конторы запомнил.

Хуже было с людьми.

Они продолжали подходить к Сергею Корсакову с разговорами, которые для них начались недели или годы назад.

Матвей спросил, вернул ли он книгу.

Андрей не знал, какую.

Николай напомнил о чьём-то именинах.

Андрей ответил, что не пойдёт.

– Вы уже обещали, – сказал Николай.

– Значит, придётся огорчить человека дважды.

В кабинете Громов проверил подготовленное Андреем ходатайство, зачеркнул половину первой страницы и вернул.

– Почему?

– Потому что вы пишете так, будто вам платят за количество слов.

– Мысль понятна.

– Мне. Суду не обязано быть интересно разгадывать вашу мысль.

Андрей переписал.

Громов прочитал второй вариант и зачеркнул уже две строки.

Прогресс.

К полудню Андрей успел разобрать ещё два дела Корсакова. Одно оказалось почти законченным. Во втором не хватало письма клиента, которое Сергей обещал приложить месяц назад. Ни следа письма в бумагах не было.

Он начал составлять отдельный список того, что прежний владелец тела обещал и не сделал.

Список рос быстрее, чем хотелось.

Около двух в приёмной появился незнакомец.

Андрей услышал разговор с Николаем через полуоткрытую дверь.

– Мне Сергей Николаевич нужен.

– По какому делу?

– Он знает.

– Все так говорят.

– Передайте, что Савельев пришёл.

Тишина.

Потом Николай заглянул в комнату.

– Корсаков, к вам.

– Кто?

Николай удивлённо моргнул.

– Савельев.

– Я услышал фамилию. Пусть войдёт.

Савельев был молод, не старше тридцати, хотя тонкие усы и строгий воротник пытались добавить ему возраста. Серое пальто он держал сложенным на руке. В другой руке была плоская папка, перетянутая шнурком.

Увидев Андрея, он остановился.
– Вы всё-таки здесь.
– Как видите.
Савельев не сел.
– Мне сказали, вас вчера опять не было.
– Вчера я был почти весь день.
– Значит, ошиблись.
Он оглянулся на дверь.
Андрей встал и прикрыл её.
Это движение гостю понравилось больше приветствия.
– Принесли? – спросил Андрей.
Если Сергей Корсаков чего-то ждал от Савельева, вопрос был безопасным.
Мужчина положил папку на стол.
– Только это. Остальное достать не смог.
– Почему?
Савельев нахмурился.
– Вы же сами говорили, чтобы я не лез напролом.
– Я спрашиваю, что изменилось.
– После того разговора всё изменилось.
Андрей не знал, какого разговора.
Он развязал шнурок.
Внутри лежало несколько листов, заполненных цифрами. На одном стояла печать предприятия. Почерк разный. Часть строк переписана от руки.
Вверху первого листа:
«Ведомость приёмки. Партия № 17».
Ниже названия материалов, вес, количество, фамилии.
Андрей поднял взгляд.
– Это копии?
– Две копии. Один лист настоящий.
– Какой?
Савельев показал.
– С ведомостью за январь.
– Почему она у вас?
– Сергей Николаевич.
В голосе появилось раздражение.
– Я за этим к вам и пришёл. Вы просили найти ведомость. Я нашёл. Теперь либо скажите, что делать, либо верните.
Андрей пролистал бумаги ещё раз.
Пока они ничего ему не говорили.
– Кто знает, что она у вас?
– Никто.
– Совсем?
– Я не дурак.
– Я не это спросил.
Савельев сжал губы.
– Рогов знает, что я вам помогаю. Что именно принёс, не знает.
Фамилия прозвучала впервые.
Андрей запомнил.
– Рогов всё ещё настаивает?

Вопрос был рискованным, но достаточно расплывчатым.

– А вы как думаете? – Савельев понизил голос. – После того, что было с его братом, он не успокоится.

– И не должен?

Савельев посмотрел на него дольше, чем требовал вопрос.

– Неделю назад вы говорили другое.

Андрей почувствовал раздражение на самого себя. Он слишком быстро полез в разговор.

– Неделю назад я видел меньше бумаг.

– Вы эти бумаги ещё не видели.

– Поэтому и хочу понять, что в них.

Савельев наконец сел.

– Вы правда ничего не помните после той пьянки?

– Не всё.

– Ясно.

– Вам ясно больше, чем мне. Объясните.

– Объяснить что?

– Почему партия номер семнадцать важна.

Савельев медленно выдохнул.

– Мы это уже обсуждали.

– Обсудим ещё раз.

– Если вы передумали, так и скажите.

– Насчёт чего?

Теперь настороженность в его лице стала явной.

Андрей понял, что ещё один прямой вопрос окончательно выдаст провал в памяти.

Он откинулся на спинку стула.

– Пётр Андреевич, – сказал он, выбрав имя из подписи на нижнем листе. – Последние несколько дней у меня в голове провалы. Я не собираюсь изображать, что помню каждую нашу беседу. Но то, что вы принесли, я не отдам человеку, пока не понимаю, зачем он это принёс. Начните с того, что считаете главным.

Савельев помолчал.

– Врача бы вам.

– Возможно. После вас.

Это прозвучало достаточно по-корсаковски, чтобы мужчина чуть расслабился.

Он придвинул ведомость.

– Вот здесь указано, что в январе приняли сто двадцать восемь пудов материала первого сорта.

Андрей посмотрел на строку.

– Вижу.

– А вот внутренняя запись склада. Её обычно наружу не дают.

В другой бумаге цифра отличалась.

– Сто три.

– Остальное прошло как первый сорт, а пришло другое.

– Какое?

– Дешевле. Хуже. По бумагам всё чисто.

– Кто подписал?

– Приёмку? Дорохов.

– Кто это?

Савельев вскинул глаза.

Андрей понял ошибку сразу.

- Я хочу услышать вашу оценку, а не должность.
- Управляющий. Александр Савельевич. Вы с ним дважды встречались.
- Ещё одна новость.
- И какова ваша оценка?
- Он знает.
- О подмене?
- Должен знать.
- Это не одно и то же.
- Савельев криво усмехнулся.
- Вот теперь вы похожи на себя.
- Андрей пропустил замечание.
- Что случилось с братом Рогова?
- Савельев перестал улыбаться.
- Вал сорвало.
- Какой вал?
- Приводной. В ткацком корпусе. Его зацепило ремнём. Он три дня прожил.
- И партия номер семнадцать связана с аварией?
- Мы не знаем.
- Тогда почему Рогов считает, что связана?
- Потому что после аварии Дорохов велел переписать две ведомости. И потому что детали для ремонта пришли через того же поставщика.
- Какого?
- Савельев перевернул лист и ткнул пальцем в название.
- «Торговый дом Северцев и К°».
- Что поставляли?
- Всё понемногу. Металл. ремни. крепёж. Потом хлопок пошёл.
- Поставщик новый?
- Два года с нами.
- Цена?
- В бумагах высокая. Что они платят на самом деле, я не знаю.
- Кто занимается договорами?
- Господин Ланской и контора управляющего.
- Ещё одна фамилия.
- Андрей записал её на отдельном листе.
- Ланской кто?
- Савельев опять насторожился.
- Вы и это забыли?
- Похоже.
- Виктор Николаевич Ланской. Компаньон хозяина.
- Хозяина зовут?
- Савельев смотрел на него уже без раздражения. Теперь скорее с беспокойством.
- Павел Андреевич Крестовский.
- К.
- Андрей не изменил выражения лица.
- Фабрика принадлежит ему?
- Ему и доля Ланского. Главный всё равно Крестовский.
- Павел Андреевич Крестовский.
- Три недели назад Корсаков записал: «К. 300. До конца месяца».
- Совпадение было слишком удобным, чтобы сразу принимать его за объяснение.

- Крестовский знает о подмене?
- Не знаю.
- Рогов считает, что знает?
- Рогов считает, что они все знают.
- А вы?
- Савельев задумался.
- Я считаю, что человек вроде Крестовского не может не знать, что у него происходит.
- Андрей пометил про себя.
- Почему вы пришли ко мне?
- Вы просили.
- Раньше. Почему согласились тогда?
- Савельев посмотрел на дверь.
- Потому что Федька погиб.
- Вот откуда документ: его передал друг погибшего.
- Да.
- Вы были знакомы?
- Вместе снимали комнату, когда только на фабрику пришли. Потом я в контору перешёл.
- Вот откуда документ: его передал друг погибшего.
- Сколько Фёдору было? – спросил Андрей.
- Савельев не ожидал вопроса.
- Двадцать два.
- Давно работал на фабрике?
- С шестнадцати.
- А Рогов?
- Алексей старше на пять лет. Он сначала в мастерской был, потом на ремонте.
- Вы трое дружили?
- Савельев потёр большим пальцем край ведомости.
- Когда жили в одной комнате, дружили. Потом я в контору перешёл. Рубашка стала чище, и разговоры другие.
- Посмотреть ведомости вы могли из-за должности?
- Некоторые. Не эти.
- Значит, рискуете местом.
- Уже понял.
- Я хочу, чтобы вы поняли точнее. Если эти бумаги взяты без разрешения, тот, кто узнает об их передаче, будет искать не Корсакова. Сначала будут искать человека внутри конторы.
- Спасибо. Я догадался.
- Тогда почему принесли настоящий лист? Можно было просто переписать цифры.
- Савельев посмотрел прямо.
- Потому что переписанным вы не поверили бы.
- Это было верно. Более того, старый Корсаков, судя по всему, именно этому его и научил.
- А если я отдам лист Крестовскому?
- Зачем?
- Например, предложит больше.
- Мужчина побледнел, потом лицо налилось кровью.
- Если хотите проверить, ударю ли я вас, скажите ещё раз.
- Матвей в соседней комнате что-то уронил. Звук напомнил, что дверь тонкая.
- Андрей понизил голос.
- Я проверяю не это. Вы доверяете человеку, который неделю назад, по вашим словам, уже отступил. Почему?

Савельев несколько раз вдохнул через нос.

– Потому что больше некому.

– Плохая причина.

– Другой нет.

Он взял копию акта и постучал пальцем по нижней строке.

– После аварии комиссия пришла. Дорохов показал журнал ремонта, мастер подтвердил, что ремень заменили вовремя. Записали, что Федька полез куда не положено. Алексей орал, что ремень рвался до этого. Его выставили. Мать Федьки получила деньги на похороны и бумагу, что претензий не имеет.

– Подписала?

– Она читать плохо умеет.

– Кто объяснял содержание?

– Конторщик.

– Вы присутствовали?

– Нет. Алексей рассказал.

Андрей снова посмотрел на цифры.

– И тогда вы начали искать?

– Нет.

Ответ был неожиданным.

– Почему?

Савельев поморщился.

– Потому что я трус, Сергей Николаевич. Так вам понятнее?

– Продолжайте.

– У меня место хорошее. Жалованье лучше, чем в цехе. Комната отдельная. Я собирался жениться. Дорохов после аварии сказал не лезть, если хочу остаться в конторе. Я и не полез.

Он говорил без попытки оправдаться, и от этого признание звучало тяжелее.

– Потом Алексей пришёл пьяный и сказал, что сам достанет книги. Я его выпнул. Через неделю увидел ведомость по январю. Там цифру исправили. Я вспомнил, что похожая правка была осенью. Посмотрел старые записи. Потом нашёл акт по ремонту.

– И передали Рогову.

– Копию.

– Почему тогда решились?

Савельев долго смотрел на свои руки.

– У Федьки мать одна осталась. Она мне на похоронах сказала спасибо, что я был ему другом. А я в тот момент уже знал, что в конторе переписывают бумаги, и промолчал.

В комнате стало тихо.

Андрей не пытался утешать. Савельев пришёл не за этим.

– Что именно вы хотите получить в результате? – спросил он.

– Правду.

– Это слово ничего не стоит, пока не понятно, что вы будете с ней делать.

– Чтобы признали, что Федька не сам виноват.

– Кто признал?

– Крестовский.

– А если не признает?

– Тогда суд.

– Какой иск? На каком основании? Кто будет истцом?

Савельев раздражённо дёрнул плечом.

– Вот для этого вы и нужны.

– Старый Корсаков обещал суд?

- Он сказал, сначала надо понять бумаги.
- Это звучало разумнее, чем многое из того, что Андрей узнал о прежнем владельце тела.
- А Рогов чего хочет?
- Того же.
- Уверены?
- Савельев не ответил сразу.
- После похорон хотел. Сейчас... не знаю.
- Что изменилось?
- Его не пускают к хозяину. Дорохов смеётся. Рабочие говорят разное. Кто-то поддерживает, кто-то считает, что Алексей только шумит и всех подставит. Он злой стал.
- На кого?
- На всех.
- На вас?
- Иногда.
- На Корсакова?
- Савельев усмехнулся без веселья.
- Особенно после трёхсот рублей.
- Андрей не показал реакции.
- Рогов видел деньги?
- Нет. Он решил по тому, как вы вдруг перестали задавать вопросы.
- А вы?
- Я потом видел вас возле конторы Молчанова.
- Новая фамилия.
- Кто это?
- Савельев нахмурился, но уже не так резко, как раньше.
- Поверенный торгового дома. Через него шли некоторые договоры Северцева.
- Вы знали, зачем я приходил?
- Нет. На следующий день вы сказали Рогову, что его бумага ничего не доказывает.
- Связь становилась неприятнее.
- Андрей записал фамилию Молчанова рядом с Северцевым.
- Если я попрошу вас больше ничего не брать, послушаете?
- Нет.
- Почему?
- Потому что вы уже просили ждать. Федька от этого живее не стал.
- Тогда хотя бы не импровизируйте. Не берите то, отсутствие чего заметят сразу. Не рассказывайте Рогову, что у вас есть. Не пытайтесь спорить с Дороховым.
- Вы мне приказываете?
- Нет. Объясняю, как не уничтожить собственный источник раньше, чем он станет полезен.
- Савельев посмотрел на него с неожиданным вниманием.
- Вот этого вы раньше не говорили.
- Что именно?
- «Источник».
- Андрей мысленно выругался. Слово было слишком современным в его привычном профессиональном смысле.
- Назовите иначе, если мешает.
- Не мешает.
- Савельев чуть отодвинулся.
- Вы правда другой.

- Это уже слышал.
- Я не про трезвость.
- Андрей закрыл ведомость.
- Если хотите забрать бумаги, сейчас последний удобный момент.
- Нет.
- Тогда я их изучу. Но если увижу, что они не доказывают то, что вы думаете, скажу прямо.
- И если Крестовский ни при чём?
- Тоже.
- Савельев стиснул зубы.
- Алексею это не понравится.
- Его мнение не меняет цифры.
- Вы ему сами скажете.
- Если понадобится.
- Савельев кивнул.
- Похоже, впервые за разговор он получил ответ, которому хотя бы частично поверил.
- Рогов знает про ведомость?
- Про эту нет. У него другая бумага.
- Какая?
- Я дал ему копию акта по ремонту.
- Савельев произнёс это тихо.
- Вы дали?
- Я.
- И он пошёл с ней к кому?
- К вам.
- Теперь цепочка стала короче.
- Андрей убрал карандаш.
- Когда?
- В конце февраля.
- Примерно тогда же Корсаков получил триста рублей.
- И что я сделал?
- Савельев отвернулся.
- Сначала задавали вопросы. Потом сказали Рогову не приходить. Ещё через два дня вернули ему копию и сказали, что доказательством она не является.
- Это правда?
- Что?
- Что бумага сама по себе ничего не доказывает.
- Савельев помолчал.
- Наверное.
- Тогда почему вы решили, что я продался?
- Мужчина резко поднял голову.
- Я этого не говорил.
- Не нужно было.
- Савельев сжал руки.
- Потому что вы изменились за один день. Потому что до этого хотели знать, кто подписывал каждую бумагу. А потом вдруг сказали, что всё бесполезно. Рогов вам в лицо сказал, что вы взяли деньги.
- А я?
- Вы его выставили.

Андрей почувствовал неприятное давление под рёбрами.

– И всё-таки вы принесли ведомость.

– Потому что через неделю вы сами меня нашли.

– Где?

– У фабрики.

– Что сказали?

– Что ошиблись. Что если принесу внутренние ведомости, вы попробуете ещё раз.

Савельев наклонился вперёд.

– А теперь сидите и спрашиваете, кто такой Крестовский.

Андрей медленно закрыл папку.

– Я получил удар по голове. Это единственное объяснение, которое у меня сейчас есть.

– Сильно?

– Достаточно.

– Тогда отдайте бумаги. Я приду потом.

– Нет.

Савельев протянул руку к папке.

Андрей положил ладонь сверху.

– Вы принесли их Корсакову. Корсаков здесь.

– Вы сами только что сказали, что ничего не помните.

– Я сказал, что помню не всё. Это разные вещи.

Савельев не убрал руку.

– Рогову я ничего не скажу, – продолжил Андрей. – Пока сам не разберусь. Ваше имя без необходимости тоже не назову. Но эти бумаги изучу.

– И снова передумаете?

Вопрос был справедливым.

Андрей не мог отвечать за человека, чью жизнь получил.

– Если передумаю, скажу вам сам. До этого никаких обещаний.

Савельев ещё держался за край папки. Потом отпустил.

– Крестовский вернулся в город позавчера, – сказал он.

– Его не было?

– Почти две недели. Москва, потом имение. Вчера Дорохов весь день у него сидел.

– Почему это важно?

– Не знаю. Но сегодня утром из конторы хозяина забрали три книги и отнесли к нему в кабинет.

– Какие книги?

– По поставкам.

– Кто ещё знает?

– Полконторы.

Савельев встал.

У двери остановился.

– Сергей Николаевич.

– Да?

– Если с вами действительно что-то случилось, не ходите на фабрику один.

– Это совет или предупреждение?

– Я сам не знаю.

Он вышел.

Андрей остался за столом.

За дверью Николай что-то спросил у Савельева. Ответа Андрей не разобрал.

Он достал записную книжку Корсакова и раскрыл на странице с тремястами рублями.

«К. 300. До конца месяца».

Теперь у буквы было подходящее имя.

Но подходящее имя ещё не означало правильное.

Андрей взял чистый лист и написал три фамилии:

Крестовский.

Дорохов.

Ланской.

Под ними:

Рогов.

Потом зачеркнул последнюю строку и написал отдельно.

Человек, который потерял брата, пока не был частью схемы. Он был её последствием.

Андрей закрыл дверь кабинета и начал читать ведомости с первой цифры.

Глава 8. Убийство

К вечеру ведомости начали складываться в картину, но Андрей не был уверен, что правильно её понимает.

Цифры показывали разницу между тем, что фабрика оплачивала, и тем, что фактически принимал склад. В двух случаях расход сходился только после исправлений другим почерком. В одном рядом с подписью управляющего стояла отметка «по распоряжению В. Н.».

Виктор Николаевич Ланской подходил по инициалам.

Подходил слишком легко.

Андрей написал на полях: «Не факт».

После современного суда он слишком хорошо знал, насколько быстро удобная версия превращает любые детали в подтверждение самой себя.

Около шести Громов вышел из кабинета, надел пальто и заглянул к нему.

– Вы домой собираетесь?

– Через час.

– Что читаете?

Андрей закрыл ведомость ладонью.

– Старое дело Корсакова.

Громов усмехнулся.

– Хорошо сказано.

– Что?

– «Старое дело Корсакова». Будто вы к нему отношения не имеете.

Андрей почувствовал короткий холод под воротником.

– Иногда полезно смотреть на собственную работу со стороны.

– Иногда полезно сначала её сделать.

Громов ушёл.

Андрей дождался, пока в конторе стихнут шаги. Николай ещё возился с письмами в приёмной, Матвей ушёл раньше.

Он снова открыл бумаги Савельева.

На одной из накладных стояла фамилия Крестовского. Подпись была не его, лишь резолюция карандашом: «П. А. доложено».

Если запись правдива, хозяин мог знать о поставках.

Если нет, кто-то мог ставить отметки за него.

Андрей сделал ещё одну помету и услышал, как входная дверь хлопнула так сильно, что задребезжало стекло.

Николай вышел в коридор.

– К кому вы?

Ответ был быстрым, тяжёлым дыханием.

– Господин Корсаков здесь?

Андрей поднялся.

В дверях появился полицейский чиновник в тёмном мундире. Молодой, раскрасневшийся от быстрой ходьбы.

– Сергей Николаевич Корсаков?

– Я.

– Вам надлежит прибыть в фабричную контору Крестовского.

Андрей не сразу ответил.

– На каком основании?

– Там убийство.

В приёмной стало тихо.

Николай медленно положил перо.

– Кто убит? – спросил Андрей, хотя ответ уже знал.

– Павел Андреевич Крестовский.

С улицы доносился обычный шум. Больше ничего.

Колёса экипажа. Голоса. Далёкий звон.

Утром Крестовский был именем в бумагах.

Теперь он стал трупом.

– Почему зовут меня?

Чиновник вынул из внутреннего кармана сложенную бумагу.

– Задержанный требует вас.

– Кто задержанный?

– Алексей Рогов.

Фамилия ударила сильнее, чем известие об убийстве.

Николай перевёл взгляд с чиновника на Андрея.

– Ты его знаешь?

– Похоже, он знает меня.

– Александр Петрович уже ушёл.

– Найди его.

– Где?

– Не знаю. Домой, в клуб, куда он ездит вечером. Узнай у Матвея.

Полицейский недовольно сказал:

– Нам велено доставить господина Корсакова сейчас.

– Я не арестован.

– Нет.

– Тогда не доставить. Пригласить.

Чиновник сжал губы.

Андрей взял пальто.

– Я еду. Николай, передай Громову, куда.

– Одного тебя отпустить?

– Выбор уже сделали до нас.

По дороге Андрей почти не разговаривал.

Чиновника звали Беляев. Он знал мало или не хотел рассказывать. Крестовского обнаружили в кабинете при фабрике около восьми вечера. Удар по голове. Рядом найден тяжёлый бронзовый пресс для бумаг. Рогова задержали недалеко от проходной. На одежде кровь.

– Он признался? – спросил Андрей.

– Сначала ничего не говорил. Потом потребовал вас.

– Откуда вы знаете, что именно меня?

– Назвал фамилию и контору Громова.

– Почему решили исполнить просьбу?

Беляев пожал плечами.

– Судебный следователь велел.

Это было разумно. Подозреваемый может говорить охотнее с человеком, которому доверяет. Или с человеком, которого считает обязанным ему помочь.

Андрей пока не знал, к какой категории относился старый Корсаков.

Фабрика располагалась у Обводного канала. Чем ближе они подъезжали, тем сильнее менялся город. Меньше витрин и каменных фасадов, больше длинных корпусов, заборов, складов. Воздух пах углём, влажной тканью и чем-то масляным.

У ворот стояли люди.

Беляев велел кучеру остановиться дальше от толпы.

– Через главный сейчас не пройдем.

Андрей вышел и сразу услышал десяток разговоров одновременно.

Убийство уже перестало быть событием внутри кабинета. Оно стало фабричной новостью, а фабричная новость за час успела разделиться на версии.

– Рогова взяли.

– Сам пришёл.

– Не сам, у канала поймали.

– Хозяина два раза ударили.

– Ножом вроде.

– Каким ножом, голову проломили.

Полицейский у ворот рявкнул, чтобы люди разошлись. Никто не разошёлся дальше нескольких шагов.

Андрей остановился рядом с Беляевым.

– Рабочих не выпускают?

– Пока записывают тех, кто был в вечерней смене и в конторе.

– Сколько человек?

– Много.

Ответ чиновника был точен ровно настолько, насколько требовала ситуация.

Мужчина в рабочей рубашке заметил Андрея и неожиданно сказал соседу:

– Корсаков.

Андрей повернул голову.

Тот сразу отвёл глаза.

Значит, прежний Сергей бывал здесь достаточно часто, чтобы его узнавали не только в конторе.

Он сделал шаг к рабочему.

Беляев придержал за локоть.

– Не надо.

– Почему?

– Сейчас любой вопрос от вас через пять минут станет показанием, которое вы якобы вырвали угрозой. Михаил Васильевич очень обрадуется.

– Вы давно со следователем работаете?

– Достаточно.

– Хороший совет.

– Я их редко даю.

Они пошли вдоль забора к боковой калитке.

За воротами фабрика продолжала жить. В одном корпусе ещё гремели станки. Из другого выходили женщины, которых по фамилиям отмечал приказчик. По двору тянули тележку с сыром. У административного корпуса толпились служащие в пальто, явно не знавшие, можно ли расходиться.

Андрею было трудно совместить это с телом наверху, которого он ещё не видел.

В современном деле смерть почти сразу превращалась в папку. Протокол осмотра, фотографии, заключение, допросы, затем тома с нумерацией страниц. За папкой легко забывалось место, где до убийства шла обычная работа.

Здесь папки ещё не было.

Был двор, где триста человек пытались понять, будет ли завтра смена и кто теперь заплатит жалованье.

У лестницы административного корпуса к Беляеву подошёл пожилой мастер.

– Ваше благородие, нас до ночи держать будут?

– Пока следователь не разрешит, никто из тех, кто был в конторе, не уходит.

– Я в конторе не был.

– Тогда отметьтесь у писаря.

Мастер посмотрел на Андрея.

– Это к Рогову?

– Идите, – сказал Беляев.

Мужчина не ушёл сразу.

– Алексей дурной, но не такой.

Беляев устало прикрыл глаза.

– Фамилия?

– Копылов.

– К писарю, Копылов. И там рассказывайте, какой Алексей.

Мастер ушёл.

Андрей спросил:

– Много таких?

– Каких?

– Которые уже знают, убийца он или нет.

– Все.

– А вы?

Беляев посмотрел на него как на человека, который задаёт неудобный вопрос ради развлечения.

– Я видел кровь на нём и видел Крестовского. Остальное пусть Михаил Васильевич решает.

– Он не решает виновность.

– Вот поэтому вы, господа юристы, и живёте дольше полицейских. Всегда есть кто-то следующий.

У боковой двери стояла девушка лет семнадцати с красными от плача глазами. Её не пускал внутрь конторщик.

– Я только спросить хочу.

– Нельзя.

– Он там?

– Кто?

– Алексей.

Конторщик раздражённо развёл руками.

Андрей прошёл мимо, но девушка схватила его за рукав.

– Господин Корсаков.

Он остановился.

Беляев напрягся.

– Вы к нему?

– К кому?

– К Алексею.

– Возможно.

– Скажите, чтобы ничего не говорил без вас.

Фраза была неожиданно точной.

– Вы кто?

– Анна Рябова.

Фамилия пока ничего не значила.

– Родственница?

– Нет.

Она быстро убрала руку.

– Просто скажите.

Беляев вмешался:

– Девушка, отойдите.

Анна отступила, но продолжала смотреть на Андрея.

– Он злой был, когда сюда шёл. Но он не хотел...

Она замолчала сама.

Андрей не помог закончить.

– Что не хотел?

Девушка посмотрела на Беляева и покачала головой.

– Ничего.

Полицейский вздохнул.

– Вот именно поэтому я советовал не спрашивать.

Андрей запомнил имя.

Он не знал, появится ли Анна в деле ещё раз. Но знал другое: Рогов пришёл сюда не из пустоты. До кабинета Крестовского у него был вечер, разговоры, люди, которым он что-то говорил.

И если защита действительно достанется Корсакову, придётся восстанавливать не только момент удара. Придётся понять, каким человеком Рогов вошёл в эти ворота.

У двери их остановил ещё один чиновник и записал имя Андрея.

– Помощник присяжного поверенного?

– Да.

– По приглашению следователя?

Беляев ответил за него:

– По требованию задержанного.

Писарь поднял брови.

– Уже защитник?

– Ещё никто, – сказал Андрей.

В этом и была проблема.

Он приехал к человеку, которого не помнил, на место убийства человека, чью фамилию утром впервые связал с чужими деньгами. Любое решение сейчас могло оказаться продолжением поступков старого Корсакова, о которых Андрей ничего не знал.

Отказаться было бы разумно.

Но тогда единственная живая связь между прошлым этого тела и сегодняшним убийством ушла бы к другому адвокату.

Андрей поднялся на первую ступень.

Решение он ещё не принял.

Но уже понимал, что уйти, не поговорив с Роговым, не сможет.

Рабочих не выпускали по одному. Полицейские проверяли фамилии. Кто-то ругался. Кто-то пытался заглянуть внутрь административного здания.

Беляев провёл Андрея через боковой вход.

В коридоре фабричной конторы было жарко. Несколько керосиновых ламп горели сразу. Возле стены сидела женщина в чёрном платье, рядом с ней молодой мужчина нервно ходил от двери к окну.

Семья, предположил Андрей.

Никто его не остановил.

В конце коридора стоял ещё один полицейский. Беляев что-то сказал ему, после чего Андрея пропустили в кабинет.

Первое, что он увидел, была кровь.

Немного меньше, чем ожидалось по рассказу, но достаточно, чтобы взгляд сразу нашёл её на ковре возле письменного стола.

Крестовский лежал на спине, голова была повернута к окну. Мужчина крупный, седина на висках, борода аккуратно подстрижена. Один рукав сюртука задрался. Левая рука лежала вдоль тела, правая была согнута странно, словно перед смертью он пытался за что-то ухватиться.

Андрей остановился у порога.

Раньше он видел фотографии таких мест сотнями. Самих тел значительно меньше.

Фотография никогда не пахла железом, воском и чужим кабинетом.

– Не подходите.

Голос прозвучал справа.

Мужчина лет сорока пяти стоял у шкафа и разговаривал с врачом. Среднего роста, сухощавый, тёмная борода с проседью. Пальто снято, на жилете серебряная цепочка часов.

Он подошёл.

– Корсаков?

– Да.

– Михаил Васильевич Оболенцев. Судебный следователь.

Имя Андрей запомнил.

Оболенцев протянул руку, затем словно вспомнил, где находится, и убрал её.

– Вы знаете задержанного?

– Сегодня это пытаюсь выяснить.

Следователь посмотрел на него без улыбки.

– Что это значит?

– Я знаком с фамилией. Самого Рогова пока не видел.

– Он утверждает другое.

– Я не утверждал, что он ошибается.

Оболенцев помолчал.

– Голову повредили?

Андрей невольно коснулся виска.

– Откуда знаете?

– На вас синяк. И вы отвечаете так, словно каждое слово приходится сначала искать.

Это был человек, которого будет трудно обманывать.

– Несколько дней назад ударился. Часть событий помню плохо.

– Пили?

– И это тоже.

– Тогда почему задержанный требует именно вас?

– Надеюсь, он объяснит.

– Оставьте нас.

Тот вышел.

Следователь указал на участок пола у двери.

– Стойте здесь. Кабинет осмотр ещё не закончил.

Андрей кивнул.

Он не собирался изображать криминалиста. Даже если современные знания подсказывали, куда смотреть, его присутствие здесь и так было необычным.

Но смотреть никто не запрещал.

На столе лежали раскрытые книги. Одна сдвинута к краю. Несколько листов на полу. Чернильница цела. Стул опрокинут.

Беляев ошибся: возле ножки стола лежала тяжёлая бронзовая фигурка лошади на прямоугольном основании. На одном краю темнела кровь.

Окно закрыто.

Дверь одна.

– Когда нашли? – спросил Андрей.

– Без четверти восемь подняли тревогу. Врач пришёл через несколько минут.

– Кто нашёл?

– Вопросы позже.

– Тогда зачем вы меня сюда привели?

Оболенцев посмотрел на него.

– Не я. Рогов.

Из соседней комнаты вышел высокий мужчина в идеально сидящем сюртуке. Лет сорока, возможно чуть больше. Светлые усы, спокойное лицо. Он говорил с пожилым служащим, затем заметил Андрея.

На секунду в его глазах мелькнуло узнавание.

– Корсаков.

Андрей запомнил ещё одну реакцию.

– Добрый вечер.

Мужчина подошёл.

– Виктор Николаевич Ланской.

Значит, этот.

Он выглядел совершенно обыкновенно для человека своего круга. Ничто во внешности не подсказывало, что его имя уже связывают с поддельными поставками.

Усталый. Собранный. Вежливый.

– Страшное дело, – сказал Ланской. – Я слышал, задержали рабочего.

– Рогова.

– Вы его представляете?

– Пока нет.

– Он требовал Корсакова?

– Да.

– Странно.

– Почему? – спросил Андрей.

Ланской чуть заметно задержался.

– Насколько я знаю, Рогов не любит адвокатов.

– Вы с ним знакомы?

– Я знаю многих работников по фамилии. Он после смерти брата несколько раз пытался попасть к Павлу Андреевичу.

– Его не принимали?

– Насколько мне известно, нет.

Оболенцев вмешался:

– Виктор Николаевич, я ещё попрошу вас вернуться к вашему рассказу.

– Разумеется.

Ланской кивнул Андрею и отошёл.

Ни угрозы. Ни настороженности. Ни попытки понять, что у Корсакова в руках.

Если он был связан с махинациями, то контролировал себя хорошо.

Оболенцев наблюдал за Андреем.

– Вы его знаете лучше Рогова?

– Встречался раньше, видимо.

– Видимо?

– Я предупреждал о памяти.

Следователь помолчал.

– Мне говорили, у вас и до удара была привычка забывать неудобные вещи.
– Кто говорил?
– Люди говорят много.
– Особенно следователю.
– Иногда даже правду.
Андрей снова посмотрел на кабинет.
– Рогов где?
– Внизу. Сначала хочу знать, в каком качестве вы с ним говорите.
– Пока в качестве человека, которого он попросил позвать.
– Вы помощник присяжного поверенного. Это не совсем ответ.
– Другого у меня нет.
– Хорошо. Поговорите. При мне или при полицейском.
– Если он просит защиту, разговор при вас бессмысленен.
– А если он хочет сообщить, где спрятал окровавленную одежду?
– Тогда вы узнаете об этом из его показаний, а не из моего разговора с ним.
Взгляд следователя стал холоднее.
– Быстро пришли в себя после удара.
– Работа помогает.
С лестницы донёсся шум. Кто-то громко требовал пропустить его наверх.
Андрей узнал голос раньше, чем увидел человека.
Громов появился в дверях через минуту, снял шляпу и осмотрел комнату.
Его взгляд остановился на теле, потом на Оболенцеве, потом на Андрее.
– Добрый вечер, Михаил Васильевич.
– Александр Петрович.
Они знали друг друга.
– Мой помощник успел что-нибудь испортить? – спросил Громов.
– Пока только моё настроение.
– Значит, день обычный.
Громов подошёл к Андрею.
– Что случилось?
– Рогов требует меня. Крестовский убит ударом по голове. На одежде Рогова кровь. Он был здесь сегодня вечером.
– Откуда вы это знаете?
– Беляев рассказал по дороге.
Громов посмотрел на следователя.
– Я поговорю с задержанным вместе с Корсаковым.
Оболенцев не спорил.
– Пять минут. Потом мне нужны показания.
Они спустились в первый этаж. В маленькой комнате рядом с проходной стояли стол и две лавки. У двери остался полицейский.
На дальней лавке сидел молодой мужчина.
Рабочая куртка расстёгнута. На правом рукаве тёмное пятно. Кисти грязные. На костяшках содрана кожа.
Алексей Рогов поднял голову.
Увидел Андрея.
Сначала в лице появилось облегчение.
Потом оно исчезло.
– Вы всё-таки пришли.
Андрей остановился.

Рогов смотрел на него так, как смотрят на человека, с которым уже много раз спорили и которому до сих пор не простили прошлый разговор.

– Пришёл.

Ответ прозвучал раньше, чем Андрей успел закончить собственную мысль.

Рогов встал.

– Я его не убивал.

Первое заявление.

Слишком быстрое.

Андрей сел напротив.

– Тогда начнём с того, почему вы решили, что мне это нужно сказать.

Рогов нахмурился.

– Что?

– Почему позвали именно меня?

Тот долго смотрел ему в лицо.

– С вами правда что-то случилось.

За дверью Оболенцев негромко говорил с полицейским.

Андрей положил ладони на стол.

– Возможно. Поэтому отвечайте.

Рогов сел.

– Потому что вы уже знаете, с чего всё началось.

Андрей почувствовал, как рядом напрягся Громов.

Следователь снаружи этого не слышал.

Андрей же услышал достаточно.

Убийство Крестовского началось для Сергея Корсакова не сегодня вечером.

Глава 9. Клиент

Громов закрыл дверь перед носом полицейского.

Комната была слишком мала для троих. Рогов сидел напротив, сцепив руки между коленями. Андрей заметил засохшую кровь на правой манжете и тёмное пятно выше локтя. Кровь могла быть Крестовского. Могла быть его собственной. На костяшках виднелись свежие ссадины.

Громов сел сбоку.

– Вы требовали Сергея Николаевича, – сказал он. – Теперь говорите с нами обоими. Если хотите, чтобы я принял защиту, начните с правды.

– Я не вас звал.

– Корсаков мой помощник. Без меня он сейчас не возьмёт на себя то, чего вы от него хотите.

Андрей не стал уточнять юридические границы. Громов сделал это за него.

– Я его не убивал, – повторил Рогов.

– Где вы были между семью и восемью? – спросил Андрей.

– На фабрике.

– Зачем?

– Хотел поговорить.

– С Крестовским?

Рогов кивнул.

– Поговорили?

– Нет.

– Почему?

– Не пустили.

– Кто?

– Служащий.

– Имя?

– Не знаю.

Андрей не торопился.

– Вы приехали на фабрику, чтобы поговорить с человеком, которого считали виновным в смерти брата. Вас не пустили. Что сделали дальше?

– Ушёл.

– Сразу?

– Да.

– Кто видел?

– Откуда мне знать?

Рассказ шёл слишком ровно, будто Рогов повторял его самому себе с момента задержания.

– Ушли там же?

– Да.

Слишком ровно.

Рассказ был готов заранее. Возможно, Рогов повторял его самому себе с момента задержания.

– Почему на вашей одежде кровь?

Рогов опустил глаза на рукав.

– Не знаю.

– Это плохой ответ.

- Другого нет.
- У вас руки разбиты.
- На работе.
- Сегодня?
- Днём.
- Кто видел?

Рогов резко поднял голову.

- Вы меня защищать пришли или следователю помогать?

Андрей услышал знакомую интонацию. Современные клиенты задавали тот же вопрос другими словами.

- Если вы хотите, чтобы я защищал вашу версию, я должен знать, где она развалится.
- Я сказал как было.
- Нет. Вы сказали пять предложений. Это не одно и то же.

Громов не вмешивался.

- Он всегда такой?
- Сегодня ещё терпим.
- Раньше был проще.

Андрей зацепился за слово.

- Раньше вы со мной говорили о брате?
- А о ком же ещё?
- Когда в последний раз?
- Недели две назад.
- Где?

- У вас в конторе. Вы меня выставили.

Громов повернул голову к Андрею.

- В моей конторе?

Рогов усмехнулся.

- Не знали?
- Нет.
- Ваш помощник многое делает, когда вас рядом нет.
- Это я заметил.

Андрей продолжил:

- Что вы мне приносили?

Рогов замер.

- С чего взяли, что приносил?
- Потому что вы сказали, что я уже знаю, с чего всё началось.
- Знаете.
- Я хочу услышать вашу версию.

Рогов откинулся к стене.

- С памятью совсем плохо?
- Достаточно, чтобы задавать повторные вопросы.
- Удобно.
- Не особенно.

Они помолчали, глядя друг на друга.

– Федька погиб в январе, – сказал Рогов. – На приводе. Начальство написало, что сам полез куда не надо. Будто он один виноват. А потом мне показали бумагу.

- Кто?
- Неважно.
- Для вас может быть. Для меня важно.

- Имя не скажу.
- Тогда что за бумага?
- Про ремонт.
- Что именно она доказывает?
- Что деталь меняли перед аварией. Поставили дрянь.
- Вы в этом разбираетесь?
- Я там работаю восемь лет.
- Это не ответ.
- Я видел старую. Видел новую. И видел, что после смерти Федьки всё заменили ещё раз. Андрей вспомнил рассказ Савельева.
- Вы принесли бумагу мне?
- Да.
- И что я сказал?
- Рогов сжал челюсть.
- Сначала сказали, что разберётесь. Ходили к людям, что-то спрашивали. Потом вдруг решили, что бумага ничего не значит.
- Вы решили, что я взял деньги.
- Не решил. Знаю.
- Откуда?
- Рогов молчал.
- Видели, как мне платили?
- Нет.
- Видели деньги?
- Нет.
- Тогда знаете вы меньше, чем думаете.
- Вы сами мне сказали, чтобы я больше не приходил. Через день вас видели с человеком Ланского.
- Этого Андрей не ожидал.
- Каким человеком?
- Не знаю фамилии. Седой такой. Ходит в контору поставщиков.
- Где видели?
- В трактире у Сенной.
- Громов сказал:
- Вы обвиняете моего помощника в подкупе, но всё равно потребовали его после задержания.
- Рогов посмотрел на Андрея.
- Потому что через неделю он вернулся.
- К вам?
- Нет. К тому, кто дал бумагу. Сказал, что ошибся и будет копать дальше.
- Откуда вы знаете?
- Мне сказали.
- Имя опять не назовёте?
- Нет.
- Андрей взял паузу.
- Ответ последовал мгновенно.
- Сегодня вы пришли к Крестовскому с той же бумагой?
- Рогов резко ответил:
- Нет.
- Слишком быстро.

– Где она?
– Не у меня.
– У кого?
– Не скажу.
– Вы понимаете, что человека убили, а вы защищаете источник документа сильнее, чем себя?

– Он никого не убивал.
– Откуда знаете?
– Знаю.
– Это слово сегодня слишком часто звучит.
Рогов ударил ладонью по колену.
– Вы опять начинаете.
– Что именно?
– Так же тогда. Сначала «покажите», потом «докажите», потом «это ничего не значит».

Федька мёртв. Вот что значит.

В злости Рогова было больше правды, чем в аккуратном рассказе о проходной.

– Я не спорю с тем, что ваш брат погиб, – сказал он. – Я пытаюсь понять, что произошло сегодня.

– Ничего не произошло. Я хотел поговорить и ушёл.
– В кабинет Крестовского заходили?
– Нет.
– Дверь открывали?
– Нет.
– Его самого сегодня видели?
– Нет.
– Кровь откуда?
– Не знаю.
– Ссадины?
– С работы.
– Кто подтвердит?
– Да сколько можно?
– Пока ответы не начнут совпадать с тем, что найдёт следователь.

Рогов провёл ладонями по лицу.

– Вы раньше так не разговаривали.

– Как?

– Будто вам всё равно, понравится мне ответ или нет.

– А раньше было важно?

– Вы хотели, чтобы я вам верил.

Андрей посмотрел на него внимательнее.

– И вы верили?

– Сначала.

– Почему?

– Потому что вы были единственный из этих господ, кто вообще согласился посмотреть бумагу. Остальные либо цену называли, либо говорили идти к фабричному начальству. А вы спросили, где Федька работал, кто менял ремень, кто подписал акт.

Громов чуть повернул голову.

Старый Корсаков, которого Андрей пока видел через долги и чужие упрёки, вдруг сделал что-то профессионально разумное.

– Потом я перестал спрашивать.

– Да.

– После денег.

Рогов не ответил.

– Вы поэтому сейчас не говорите, где бумага?

– Не только.

– А ещё почему?

– Потому что человек, который её держит, мне помог. Если я назову его, следователь полезет к нему домой, на работу, к знакомым. Там найдёт что-нибудь своё. У полиции руки длинные, когда им удобно.

– А если этот человек видел вас сразу после кабинета, он важен делу.

– Для вас важен. Для него нет.

– Вы уже решили за него.

– Он сам решил.

– Тогда пусть сам скажет мне.

– Не будет.

Андрей выдержал паузу.

– Алексей, вы сейчас выбираете между двумя рисками. Первый: называете человека, и у него возникают неприятности. Второй: молчите, а обвинение получает возможность считать, что никакого документа не было, что вы пришли только мстить и после убийства придумали всю историю.

– Документ был.

– Я знаю. Следователь пока нет.

– Савельев подтвердит.

– Если его вызовут, вы хотите, чтобы он подтвердил и передачу акта, и внутренние ведомости, и то, что вы оба лазили по фабричным бумагам?

Рогов стиснул зубы.

– Вот видите.

– Что?

– Вы сами понимаете, почему я молчу.

– Понимаю причину. Это не делает решение хорошим.

– Вам легко.

– Нет.

Рогов рассмеялся коротко и зло.

– Вам? У вас контора, сюртук, Громов за спиной. Даже если всё проиграете, домой пойдёте.

Фраза попала точнее, чем Рогов мог знать.

Андрей выдержал паузу.

Домой он как раз не мог пойти в единственном смысле, который имел значение.

Но объяснить это Рогову было невозможно.

– Возможно, – сказал он. – Поэтому я и не прошу вас доверять мне из-за моей тяжёлой судьбы. Я прошу оценить последствия.

Громов впервые вмешался:

– Рогов, послушайте хотя бы это. Защитник может работать с плохим фактом. С неизвестным фактом работать невозможно.

– А если я скажу всё, вы побежите к Оболенцеву?

– Нет, – ответил Громов. – Не всё, что доверитель сообщает защитнику, превращается в подарок следствию.

– А он?

– Он работает под мою ответственность.

Андрей услышал в формулировке одновременно поддержку и предупреждение.

– Хорошо, – сказал Рогов. – Допустим, я расскажу. Вы можете обещать, что того человека не потянут сюда?

– Нет, – ответил Андрей.

– Тогда зачем мы говорим?

– Потому что обещание, которое я не могу выполнить, делает вам приятнее ровно до первого вызова.

Рогов усмехнулся.

– Вот это точно новое.

– Что?

– Раньше вы обещали легко.

Громов прикрыл глаза.

Ещё одна запись в невидимом деле Сергея Корсакова.

– Тогда запомните изменение, – сказал Андрей. – Теперь обещаю только то, что могу сделать.

– И что можете?

– Не раскрывать источник без необходимости. Не строить защиту на выдуманной версии, которая его случайно подставит. Предупредить, если пойму, что следствие всё равно до него дойдёт.

– Мало.

– Это реальность.

Рогов долго молчал.

Потом сказал:

– Бумага не у Савельева.

– Это я уже понял.

– И не у меня дома.

– Хорошо.

– Больше сегодня не скажу.

Андрей почувствовал раздражение, но удержал его.

Это всё же было движение. Маленькое и почти бесполезное, но добровольное.

– Тогда ещё один вопрос. Когда вы решили позвать Корсакова после задержания, чего ждали?

Рогов нахмурился.

– Не понял.

– Вы считали меня человеком, который взял деньги и бросил дело. Потом узнали, что я снова что-то проверяю. Сегодня вас хватают с кровью на рукаве. Почему первым требуете именно меня?

Рогов отвёл глаза.

– Потому что вы уже знали про бумагу.

– Это не единственная причина.

– Потому что другого адвоката я не знаю.

– Тоже не вся.

Рогов дёрнул плечом.

– Потому что если вы и правда продались, вам самому выгодно вытащить меня, пока всё не полезло наружу.

Громов тихо сказал:

– Очаровательное начало отношений с защитой.

– А если не продались, – продолжил Рогов, – тогда, может, закончите то, что начали.

Вот это уже было ближе к правде.

Андрей понял, что решение взять дело принял раньше, чем сформулировал его самому себе.

Не из-за веры в невиновность Рогова. Такой веры не было.

И не только из-за тайны прежнего Корсакова.

Человек напротив уже сделал достаточно, чтобы выглядеть виновным. Именно поэтому проверка обвинения имела смысл.

Если оставить дело сейчас, Андрей всю дорогу обратно будет объяснять себе, что поступил разумно.

Он слишком хорошо знал этот вид объяснений.

– Александр Петрович, – сказал он, не отводя глаз от Рогова. – Я хочу участвовать в защите.

Громов ответил не сразу.

– Я заметил.

– Официально.

– Официально решение принимаю я.

– Поэтому и говорю вам.

Громов постучал пальцем по столу.

– Хорошо. Но с этого момента никаких самостоятельных обещаний свидетелям, никаких исчезновений на фабрику без предупреждения и никаких попыток играть в следователя там, где вы не понимаете местной процедуры.

– Согласен.

– Так быстро согласились, что я уже жалею.

Злость на лице Рогова сменилась растерянностью.

– Значит, будете защищать?

Андрей ответил:

– Будем проверять, за что именно вас хотят судить.

– Я спросил проще.

– А дело уже сложнее.

Рогов отвернулся.

Громов встал.

– На сегодня хватит.

– Но...

– Михаил Васильевич не позволит нам держать вас здесь до утра. И я тоже.

Он повернулся к Андрею.

– Выходим.

В коридоре Оболенцев ждал у окна.

– Ну?

Громов сказал:

– Мой доверитель воспользуется правом не давать подробных объяснений до следующего разговора с защитой.

– Уже доверитель?

– Если он согласится.

– Он согласится, – сказал Андрей.

Громов посмотрел на него, но спорить не стал.

Оболенцев подошёл ближе.

– Тогда сообщу вам кое-что, чтобы утром не было сюрпризов. Его видели выходящим из коридора Крестовского. Не у ворот. Из коридора.

Андрей почувствовал, как внутри что-то опускается.

– Кто видел?

– Завтра.

– Ещё что?

– На рукаве кровь. Врач считает, что это кровь убитого. Пока без уверенности, разумеется. И на рукояти... точнее, на бронзовой лошади есть следы, которые могут принадлежать Рогову.

– Какие следы?

– Грязь, пот, кровь. Вы ждёте от меня чудес науки?

– Нет.

– Тогда до завтра.

Оболенцев ушёл.

Громов смотрел на Андрея.

– Ваш клиент сказал, что в кабинет не входил?

– Да.

– И вы ему поверили?

– Нет.

Глава 10. Кровь

Утром Оболенцев прислал записку в контору раньше, чем появился сам Громов.

«Осмотр одежды Рогова в одиннадцать. Если защита желает присутствовать, прошу не опаздывать».

Андрей прочитал дважды.

– Вежливый, – заметил Николай.

– Это хуже.

– Почему?

– Вежливые люди обычно уверены, что им незачем торопиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.